

18+ Геннадий Калиновский

Aut viam inveniam, aut faciam

НАЙДУ ДОРОГУ ИЛИ ПРОЛОЖУ ЕЕ САМ

Геннадий Калиновский
Aut viam inveniam, aut
faciam. Найду дорогу
или проложу ее сам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63698832

ISBN 9785005309167

Аннотация

Книга написана в форме рассказа попутчика, который встретился автору в поезде. Жанр – боевик с элементами мистики. Все факты, упомянутые в книге имели место быть, но с разными людьми. Книга не документальное произведение, и автор может не разделять мнение героев книги. Действие начинается в Грозном накануне первой войны. Книга задумывалась как серия с продолжением.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	28
ГЛАВА 4	35
ГЛАВА 5	41
ГЛАВА 6	52
ГЛАВА 7	60
Глава 8	75
ГЛАВА 9	83
ГЛАВА 10	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Aut viam inveniam, aut faciam **Найду дорогу или** **проложу ее сам**

Геннадий Калиновский

© Геннадий Калиновский, 2022

ISBN 978-5-0053-0916-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всем моим землякам, погибшим в Чечне, посвящается

Aut viam inveniam, aut faciam

(* Лат. Или найду дорогу, или проложу её сам)

Все события и действующие лица вымышлены, совпадения случайны. Автор может не разделять точку зрения персонажей.

ПРОЛОГ

Я назвал свое «творение» -роман, хотя правильнее было бы назвать его «записки графомана». Положа руку на сердце признаюсь честно, да и читатель сам поймет, если хватит терпения дочитать конечно, что писатель из меня как из собачьего хвоста сито. Но желание писать было столь велико, что я не взирая ни на что снова и снова пытался создать не роман —нет, хотя бы простенький рассказец который просто был бы кому-нибудь интересен, даже не так, а который просто кто-нибудь хотя бы дочитал до конца. Но все мои опусы были написаны настолько коряво, диалоги были настолько чудовищны, что я и сам не мог читать их без отвращения и содрогания. Не знаю почему но когда я в своем воспаленном воображении мысленно их рисовал то и сюжет и диалоги складывались настолько складно и интересно, что я был просто в неопишемом восторге. Я тут же хватался за бумагу и ручку и вот тут то происходило самое интересное- все мои остроумные обороты, искрометные диалоги, изящные фразы превращались в откровенную дрянь. Но я не отчаивался. Снова и снова с удвоенным упорством я продолжал писать. Изводились кипы бумаги. Мусорное ведро в доме наполнялось в два раза быстрее чем обычно. Но результат был все тот же-ничего путного я сочинить не мог. После я забросил на некоторое время свои литературные опы-

ты, но не из-за того что охладел к сочинительству, нет, просто я стал размышлять что я делаю не так. Почему как только я беру в руки ручку чтобы записать очередной шедевр, мысли сразу превращаются в неуклюжие нелепые фразы? Может все дело в способе создания? И я обзавелся диктофоном. Дела пошли получше. Уже мои творения не напоминали мне уродов-мутантов, а смотрелись как вполне удовлетворительные инвалиды. Прогресс, хоть и небольшой был налицо. Я пошел дальше -стал просто записывать на диктофон рассказы разных людей, а после, с небольшой собственной корректировкой (я ведь все таки писатель), переписывать их на бумагу. Конечно это были не шедевры, но одно то что мои родные и близкие, которых я уже замучил чтением своих предыдущих творений, смогли дослушать их до конца и не послать меня по короткому и всем известному адресу, состоящему, как принято, из трех или пяти букв. Одно только это вселяло в меня оптимизм и надежду. Ввиду того что моя работа связана с поездками, порой очень долгими, а в поездах люди становятся очень разговорчивыми, то недостатка в сюжетах у меня не было. Так было и на этот раз. Дорога предстояла очень длинная —несколько суток да еще зимой. Моим попутчиком оказался мужчина лет сорока, прилично и со вкусом одетый и совершенно седой. Мы познакомились. Оказалось что он едет до той же станции что и я. Как обычно бывает в дороге мы разговорились, незаметно перешли на ты, потом немного выпили, я рассказал ему о себе, он о себе.

Разговор был так ни о чем, обычный дорожный треп. Потом опять же как обычно водится мы еще немного выпили, потом еще и еще. Хорошо что в купе мы были одни, можно было не стесняясь говорить о чем угодно. Мы и говорили. Но я на всякий случай включил диктофон, и как оказалось впоследствии не напрасно. Рассказ моего попутчика я и предлагаю вашему вниманию, практически без сокращений и отсбятин.

ГЛАВА 1

Я очень любил свой город. Именно любил. Потому, что его уже нет. Его убили зимой 95. Но он у меня в памяти остался навсегда живым. Я отчетливо, стоит только закрыть глаза, вижу его целым и невредимым. Мысленно гуляю по его улицам, встречаю на них друзей, разговариваю с ними. Наваждение порой бывает таким сильным, что очнувшись я даже не сразу могу понять где я нахожусь. А нахлынувшие воспоминания все идут и идут чередой - вот уже мне становится страшно - я гоню их прочь, но они все сильней и сильней наваливаются на меня. Наверное так сходят с ума. Если так то я наверное уже в конце этого пути....

В тот день я как всегда собрался идти на работу. Жил я один - почти все родные и семья из Грозного уехали, устроились кто где а я остался. Не уехали и мои престарелые родители, которые жили на другом конце города. Отец считал себя потомственным терским казаком и категорически отказывался уезжать, считая все эти беспорядки временным явлением и что скоро все будет как раньше. Да и ехать нам было некуда если честно говорить. Я собственно и остался из-за родителей и надежды выручить за свою квартиру какие-нибудь деньги, но увы, время шло а ее никто не хотел покупать. В урочное время я уже стоял на остановке с такими же бедо-

лагами как я. Работали мы далековато и на работу нас возил вахтовый автобус. Разговоры как всегда были одни и те же: как продать жилье, как уехать, как устроились соседи на новом месте, как кого из соседей убили, ограбили, где раздобыть продуктов, денег, когда будут давать зарплату, как вообще жить дальше. Эти разговоры производили на меня тягостное впечатление. Жизнь которая у меня и так как говорится «не текла молоком и маслом» казалась вообще невыносимой. Я стоял с края автобусной остановки, в разговоры не вступал и старался думать о своем.

Однако прошло уже около часа нашего стояния под пронизывающим, холодным ветром, а автобус так и не появился., что с ним ранее никогда не случалось. Надо отдать должное на работу нас привозили всегда вовремя, правда с работы привозить, как и платить зарплату отчего-то иногда забывали.

Возле нас остановился «УАЗик». Водитель не спеша вышел и подошел к нам. Я узнал его. Это был водитель начальника пожилой и полный мужчина.

– Автобуса не будет.-грустно сообщил он.– Завтра тоже. Меня начальник послал сообщить, что и работы пока не будет.

На нас его слова произвели тягостное впечатление. Мы стояли как окаменевшие. У всех в голове бились одни и те же мысли: как жить дальше? В одну секунду рушились все призрачные надежды. Теперь зарплату нам дадут нескоро, ес-

ли вообще дадут. Уже давно уехал УАЗик, а мы все стояли и смотрели друг на друга, перебрасываясь ничего не значащими словами. Декабрьский холодный ветер безжалостно выдувал остатки тепла и мы стали расходиться по домам.

Я пришел домой выпил горячего чая и залез под одеяло. У меня начинался озноб. Незаметно я впал в забытие. Мне привиделся летний день и я маленький мальчик (что меня особенно удивило то, что я видел себя со стороны) иду с мамой по городу. она ведет меня за руку и что-то ласково мне говорит. Слов я не разбираю, но чувствую что говорит она что-то хорошее и от этого на душе становится спокойно-спокойно и почему-то я плачу. Я очнулся. В комнате было темно. День уже прошел. Кое-как я выбрался из постели, озноб не проходил. Из-за нервного срыва, одиночества, или просто из-за простуды я чувствовал себя отвратительно. Кое-как поел и обратно в постель, так проболел я несколько дней. Приближался новый год. И тогда я решил- плюну на эту квартиру, на эти вещи, на весь этот жалкий скарб и уеду на праздник к своей семье в гости. Стал готовиться, покупать подарки, хотя какие я мог купить подарки на свои гроши- так, чисто символически, просто как знак внимания. Но судьба распорядилась иначе.

Однажды вечером мне в квартиру позвонили. Я пошел открывать. Вы не замечали что в каждом городе дверь открывают по разному? В крупных городах России, вначале спрашивают кто там?, в лучшем случае откроют на длину двер-

ной цепочки и только после этого возможно откроют ее полностью. У нас на Кавказе было принято вначале открывать дверь, а потом уже интересоваться целью визита.

Возможно от того, что большие города раньше столкнулись с криминалом и от того оказались и более приспособленными к жизни по «законам джунглей» которая сменила «ужасный» период застоя. Я родился и всю жизнь прожил на Кавказе поэтому поспешил открыть дверь. Едва только щелкнул замок, в дверь сильно ударили. От неожиданного и сильного удара я улетел в дальний конец прихожей. В комнату вместе с трехэтажным матом ввалилась толпа людей в камуфляже. Мне часто приходилось слышать о налетах на квартиры от своих знакомых. Сценарий был как правило один и объекты как правило однотипны- квартиры русскоязычного населения. Русские, армяне, украинцы, евреи, и как ни странно -татары, несмотря на свое магометанское вероисповидание, а как в последствии стало очевидно -все нечеченцы вот основные объекты внимания у этих представителей «гордого и свободолюбивого»народа. Не зря же на знамени этой людоедской банды —волк. Животное не отличающееся ни благородством ни особой разборчивостью к жертве. Главное для них чтобы их стая была больше а жертва как можно более слабой, чтобы ни дать отпора ни убежать не могла.

Но те кто ворвался в мой дом напоминали мне даже не волков, а шакалов. Грязные, провонявшиеся потом и ана-

шой типы. Их заросшие щетиной рожи напоминали маски из фильмов ужасов. В одной газете мне как-то попался заголовок: «обожравшиеся человечино́й» -это о моих визитерах, как говорится ни убавить не прибавить, в самую десятку.

Я попытался встать но сильный удар ногой вернул меня на прежнее место немного в поврежденном виде.

– Ты русская свинья, разве так гостеприимный хозяин встречает гостей? -выдохнул мне в лицо перегар и табачный дым один из гоблинов, который у них видимо был за старшего, на боку у него болталась то ли шашка толи японская катана.-Короче или ты сейчас сюда выносишь золото, деньги, ключи от машины и от гаража или я тут тебя зарежу как барана!

Остальная публика сосредоточенно разбрасывала домашние вещи и рылась в шкафах, временами сумасшедшими криками «аллах акбар»выражала полную поддержку своему главарю-упырю.

Я, как можно спокойнее, ответил что золота у меня сроду не водилось, деньги уже несколько месяцев подряд забирают их коллеги на нужды молодой ичкерийской республики, машины у меня уже год как нет а мои носильные вещи их навряд ли порадуют, т.к. они поношены и их даже на барахолке не продать.

– Что ты брешешь собака? (Вообще я даю, так сказать, литературный перевод того что говорил этот потомок Зелимхана, так как в оригинале его фразы состоят из одного ма-

та и междометий и полностью повторять его речи просто неприлично.) -Все знают что у тебя есть машина, а ты тут мне пытаешься баки забить.

Сразу после выступления предводителя два закамуфлированных гостя подняли меня с пола и одновременно ударили в живот. Вас никогда не били в живот два человека одновременно, причем изо всех сил? Непередаваемое ощущение доложу я вам. Оно было настолько сильным, что я смог только пару раз открыть рот, силясь вдохнуть воздух, но мне это не удалось и я провалился в темную бездну. Дальнейшая беседа проходила в режиме монолога моего истязателя и непрерывных побоев и продолжалась около получаса. Когда же они немного подустали, я смог отдышаться и предложил им взять ключи и самим убедиться в том что гараж пуст.

Да у меня была когда-то в той далекой хорошей жизни машина, не последней модели «жигули», в меру потрепанная жизнью, но меня она устраивала да и вообще в те времена любой автомобиль считался если не роскошью то показателем того что жизнь удалась. И вот прошлым летом не дожидаясь когда у меня ее экспроприируют воины джихада, я посадил в нее жену и детей и отвез к теще в тихий уголок нашей родины, где и оставил их всех под присмотром многочисленной жениной родни.

Вся компашка звериными криками и улюлюканием выразила горячее желание проверить содержимое моего гаража. Мне все таки дали возможность кое-как одеться и вытолкали

из дома. Гараж был почти рядом с домом, ухоженные и смазанные замки открылись без труда. Взору разочарованных охотников за чужим добром предстал абсолютно пустой бокс и лишь с плаката на стене сурово глядел Чингачгук-Гойко Митич-большой змей кумир всех чечен прошлого настоящего и наверное будущего.

— Где твоя машина сволочь? -стоящий сзади со всей силы ударил меня прикладом автомата. Земля вдруг стремительно понеслась мне навстречу, в глазах вспыхнуло и наступила темнота. Сколько я так пролежал не знаю. Когда очнулся почувствовал что лежу головой на чем-то холодном. Руки и ноги не слушались. Тут же послышался громкий разговор на чеченском языке. Это орали мои сопровождающие. Они громко обзывали последними словами какого-то Хамзата, который не рассчитал силу удара и убил этого «русского козла, ишака, и масса других не менее приятных названий которыми они наградили меня. Я благоразумно после этого решил и далее оставаться трупом, тем более что вопли их становились все громче и все пронзительней и на меня вообще никто не обращал внимания. Как я понял из дальнейших перепалок этому Хамзату предводитель кинул предьяву что благодаря его пустоголовости пропал такой удачный вечер, на это он очень неуважительно отозвался о предводителе и его родне. (Я повторяю что это в меру литературный перевод их диалога.) Следом за этим послышались глухие удары. Били по видимому Хамзата, а может быть наоборот.

После короткого но содержательного мордобоя послышался всхлип или стон и затем шумное падение в смотровую яму человеческого тела.

– Зря ты его Арби -раздался голос из темноты -ты что кровников не боишься?

– У меня этих кровников уже пятнадцать человек -одним больше, одним меньше. Если бы я кровников боялся я бы вообще из дома не выходил. Я вообще никого не боюсь.-и через некоторое время добавил -У них в роду уже и мужчин не осталось -кого бояться?

Щелкнула зажигалка, в воздухе поплыл противный запах анаши вперемешку с табачным дымом. Кто-то смачно плюнул, возле моего лица упал зловонный окурочок. Вдруг, за воротами гаража послышался шум подъехавшей автомашины. По удаляющемуся топоту ног я определил что вся команда поспешила вон из гаража. Я попробовал подняться. С третьей попытки мне удалось встать на четвереньки, с четвертой —встать на ноги придерживаясь руками за стену. К горлу подкатила тошнота, голова закружилась и я едва не упал в смотровую яму, где уже лежало нечто. что по видимому когда то, откликалось на имя Хамзат.

Хотя стояла ночь и нигде не светили фонари, мои глаза привыкли к темноте и я довольно-таки неплохо все видел. Кое-как я добрался до ворот и выглянул наружу. То что я увидел было ужасно. В свете фар двое громил держали под руки человека, а главарь банды колотил его кулаками по ли-

цу. Старческий голос умолял пощадить его, но разве можно мольбами и уговорами остановить волка который уже обожрался человечинной?

– Ты говоришь воевал? Отфашистов нас спасал?! А на х... ты это делал!...! Еслиб не ты, и не такие как ты мы бы баварское пиво пили и на мерсах разъезжали! -с мерзким смехом глумился предводитель шакалов.

Я узнал того над которым издевались бандиты. Это был хозяин старого «Москвича», старый, больной инвалид войны. Я хорошо знал его, как знал всех своих соседей. Несколько лет назад по нелепой случайности погиб его единственный сын и он остался вдвоем со своей старушкой женой. До последнего дня он занимался тем что таксовал на своем старом авто которое ему бесплатно выдал военкомат как инвалиду войны. (В свободном государстве Ичкерия была свобода во всем, в первую очередь сделали свободными пенсионеров. Их освободили от пенсий! Поэтому каждый пенсионер выживал как мог.) По видимому он хотел поставить машину в гараж. Немоощный, больной старик-инвалид лакомый кусок и достойная добыча для настоящего волка!

Тем временем главарь шайки негодяев не унимался. С садистским наслаждением он продолжал избивать несчастного. Старик уже не просил а негромко стонал от страшных ударов которыми одуревший от наркотиков зверь осыпал его.

– Оставьте его! -громко приказал этот звериный вожак.

Двое державшие старика одновременно бросили его и в этот момент тяжелый удар армейского ботинка обрушился на его седую голову. Звуча падения не было слышно -он утонул в зверином вопле радости и восхищения которым наградили своего главаря ублюдки.

Вся банда ликуя, устремилась к вождеденной добыче — вечер прошел не зря!

За руль влез сам главарь. Двери захлопнулись, двигатель взревел и автомобиль набирая скорость помчался к выходу из гаражного кооператива. Вдруг он остановился со скрежетом включилась задняя скорость. Они вернулись что бы переехать машиной старика! Никому даже в страшном сне я не пожелаю увидеть (и услышать!) как автомашина наезжает на живого человека. Причем наезжает СПЕЦИАЛЬНО ЧТОБЫ УБИТЬ! Когда машина умчалась я держась за стены кое-как добрался до места казни. Зажигалкой я осветил лежащего. Он был мертв.

Я с детства очень боялся крови. Сам вид крови, своей или чужой, мог надолго отправить меня в обморочный нокаут. Да и вообще жизнь в те проклятые нынешней продажной властью, времена, воспринималась как высшая ценность и на убийцу смотрели как на монстра, как на нелюдя. Соответственно и поступали с ними. Зато сейчас благодать-сколько ни завали народу, смертной казни не получишь. А если покойные простая рабочая биомасса-максимум четвертак да и то далеко не факт. Я например знаю что в некоторых зо-

нах юга России даже чеченских боевиков выпускали на волю досрочно, на верное за большие трудовые успехи и отличное поведение.

В этой части повествования произошло досадное недоразумение. После того как мы в очередной раз выпили и закусили, то почувствовали острое желание закурить. Для этой цели мы отправились в тамбур и не успел я выдохнуть первую порцию дыма, как мой интеллигентный и обходительный попутчик схватил меня за горло и чуть не придушил.

– Что сучара ментовская, не нравится? Ты думал че, на фраера напал? Щас я тебя падлу кончать буду! -Его глаза горели таким бешенством, что казалось еще немного и он меня не просто кончит а разорвет на мелкие кусочки.

Это было настолько неожиданно и дико, что я даже не успел испугаться.

– Говори ганд..н, кто тебя приставил ко мне? Чехи или фсбэшники? -он слегка ослабил хватку и я сполз по стене и уселся на заплеванный и замусоренный пол.

Я буквально лишился дара речи, настолько эти фразы не вязались с благородным обликом моего визави, но добрый пинок ногой по ребрам сразу вернул мне его.

– Я пи-пи-са —ттель, на-на-чи-нающий.— заикаясь от страха тихо промямлил я.

– Писатель? Оперу пишешь? Кого ты лечишь? Я твой дик-

тофон сразу срисовал. Ты такой же писатель как я балерина.

— Правда я писатель, только наверное очень плохой, если не верите я вам рукописи свои могу показать, недавно вернули из одного журнала.— захныкал я.— Оттого и таскаю с собой диктофон, потому что получается пока у меня плохо.

Тут опять, на моих глазах, с попутчиком произошла метаморфоза. Глаза его опять стали добрыми бандитский жаргон и хриплый противный голос сменился на вежливый приятный баритон:— Правда? Тысяча извинений, я жутко виноват перед вами.— он помог мне подняться и отряхнул с меня прилипший мусор.— Вы на меня не в обиде? Я готов, как говорится искупить—с меня литр французского коньяка, и не отказывайтесь— обидите до глубины души.

Мы вернулись в купе и я на радостях что удалось избежать расправы, бросился показывать свои рукописи и наброски. О рукописях скажу особо. Вначале я их посылал в толстые журналы, ну думаю все —теперь их прочитают профессионалы, дадут ценные советы, я исправлю, что не так и пожалуйста — шедевр в печати!

Но я ошибался. Ни одного совета я так и не получил, по видимому мои опусы вообще никто не читал. Потом я решил начинать с издательств масштабом поменьше —типа нашего городского, которое тоже издавало произведения местных авторов, правда книжонки были невзрачными и печатались на бумаге в которую в магазине заворачивают колбасу.

Но и там я потерпел неудачу. Со мной не только не стали говорить, но и весьма невежливо даже грубо попросили выйти вон. Но я не пал духом и все таки смог показать свое творение профессионалу. Как-то на очередной сходке родни, кажется на пасху, после того как мы уже хорошо выпили и не менее хорошо закусили, за столом пошел обычный разговор за жизнь.

– Ну как племяш жизнь? – спросил меня дядя Петя, мамин брат. Дядя Петя это уникальный человек, он может все, ну или почти все. Есть такие люди-все им всегда удается и все их любят. Когда мы выходили в город, было ощущение что все его знают и он знает всех- почти каждый встречный с ним здоровался. Как такой популярности добился простой начальник отдела снабжения, было непонятно.

– Да так, нормально. Вот работаю, в свободное время книги вот пишу...

– Ну и как? Успешно?

– Успешно что?

– Да я про книги. Уже много написал?

– Да написать то написал- тут на меня, как говорится, накатило, или я выпил лишнее, но я все дядьке рассказал и про то как пишу, и про то что никто не хочет читать, а если никто не читает то как же я узнаю мнение читателей или профессионалов, может я что то не так делаю, может чего поправить или добавить. Короче, обрисовал как мог проблему.

– Да, это серьезная тема.– сказал, немного подумав, дядя

Петя- Ты Гриша подбери мне самую удачную, на твой взгляд, книгу. Есть у меня один знакомый, он мне многим обязан, я ему покажу твою нетленку. А сейчас давай наливай!

Окрыленный дядиными словами я на радостях напился в хлам. На другой день я притащил ему самый удачный свой роман- «Лед и пламень» о любви сталевара и балерины.

– Завтра у нас встреча в одной компании, как раз и он там будет- сказал дядя- я ему твою писанину и отдам.

– Он это кто?

– Он- это редактор издательства. Если я его попрошу он тебе полный расклад по твоей книжке даст. Хотя тема... - дядя сделал кислое лицо- не очень чтобы очень.

– Да нет дядя, про любовь у меня всегда удачно получалось.— начал было гнусавить я.

– Хорошо —в корне пресек мои причитания дядька- я на всякий случай не буду говорить что книжку написал племяш. Просто скажу что попросил один шапочный знакомый узнать мнение профессионала пера. Тебе ведь чем беспристрастней, тем лучше, так ведь?

Прошла неделя. Сижу я дома, и тут приходит дядя Петя.

– Ну, ты это не расстраивайся сильно, ты ведь сам хотел что бы как можно беспристрастней было... -грустно сказал он.

Я открыл рукопись, на титульном листе крупно было написано: Книга говно, писатель мудака!!!

Я не сдержался и расплакался. Дядя утешал меня как мог.

Когда мой попутчик выслушал эту печальную исповедь, его пронял такой смех, что он чуть не упал на пол. Он несколько минут не мог выдавить из себя ни слова. а только бил руками себя по коленям и время от времени вытирал слезы которые от смеха текли и текли по щекам. Насмеявшись вволю, он уже серьезно сказал мне:

– Это судьба, что ты повстречался со мной, я тебе такой роман расскажу, что никакому Толстому и не снилось. Я и сам бы не поверил, если бы мне предсказали такую судьбу. В общем, будешь моим биографом, но с условием, что кое-какие имена тебе придется придумать самому.

Рассказчиком мой попутчик, назовем его, к примеру, Александр, был непревзойденным, поэтому его рассказ я записал практически без изменений.

ГЛАВА 2

Когда я стал свидетелем того как на моих глазах убили человека, убили как убивают муху, случайно залетевшую в дом, не испытывая при этом никаких чувств, в моем сознании как будто сработал некий механизм, было ощущение что открылись какие то шлюзы и темное неведомое хлынуло в меня. Я не знаю, может у кого другого это было не так, может быть. Но у меня было именно так.

Это неведомое так захватило меня, что я стал задыхаться. Сердце в груди забилося сильно-сильно, казалось еще немного и грудная клетка не выдержит такого бешеного напора и порвется Липкий холодный пот стал заливать глаза, и опять —вспышка в глазах и холодная черная пустота подарила мне покой. Последним моим ощущением было ощущение что кто-то другой смотрит на мир моими глазами.

Очнулся я оттого что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза в неверном свете наступающего дня, увидел склонившуюся надо мной женщину.

– Слава богу, живой- сказала она и я узнал свою соседку-А с Михалычем то, что сделали изверги и она тихонько заплакала. Тут я заметил, что старик уже накрыт какой-то мешковиной.

– А я то думала, что они и тебя убили. Тербила-тербила тебя, а ты не отзываешься. Голова в крови.

Я рассказал ей всю историю с самого начала.

– Эх родимый, кабы я всю жизнь в травматологии санитаркой не проработала, то лежала бы в обмороке рядом с тобой. Там я и не такое видела. А у тебя видать еще и сотрясение мозга произошло.

Она помогла мне встать и осторожно поддерживая, повела домой.

– Я как услышала крики в твоей квартире, испугалась. Потом тебя увели, а квартиру бросили открытой. Я двери то закрыла, погляжу-погляжу, а тебя все нет и нет. Дай думаю схожу в гараж. Пришла а вы тут оба лежите. Я как Михалыча увидела, сразу поняла что покойник, а у тебя послушала, а сердце бьется. Давай тогда тебя в чувство приводить.

– А его жене не говорили? – спросил я.

– Нет. Я от вас не отходила, да и не знаю как сказать. Как они сына своего схоронили, у ней инсульт случился, месяц парализованная лежала, правая сторона отнялась. Боюсь как бы сейчас вообще богу душу не отдала бы -горестно сказала она.

Потихоньку добрались до дома. Старик жил в соседней пятиэтажке. На кухне его квартиры горел свет. Старушка-жена ждала своего мужа домой. Мы вошли в подъезд и позвонили в звонок его квартиры. За дверью слышались шаркающие шаги и старческий голос тихо сказал:– Коля это ты?

– Трофимовна, это я Шура, с соседнего дома, открой.

Дверь отворилась, на пороге стояла седая опрятная старушка.

– Что случилось? -она посмотрела на наши грустные лица, увидела кровь на моей голове, -А Колю не видели?

Мы стояли молча, не зная с чего начать. Наконец я собрался с силами и сказал:

– Нет больше Михалыча...

Больше я сказать ничего не успел. Старая женщина на глазах начала бледнеть и оседать на пол. Мы подхватили ее и внесли в комнату, но помочь ей было уже нельзя- она умерла. Соседка заплакала. Мне стало вообще невмоготу. Помимо ужасно болевшей головы, к горлу подкатил комок и стало трудно дышать. Кое-как я вышел из квартиры и еле-еле поплелся домой.

В квартире меня встретил полнейший разгром. Содержимое шкафов валялось на полу. Посуда была почти вся перебита. Холодный и сырой зимний ветер, залетая через разбитые окна гонял по комнатам мусор. Шторы вывалились на улицу и развевались там как флаги. Наводить порядок не было ни сил ни желания. Кое-как закрыв окна тряпками и картоном я добрался до дивана и не раздеваясь упал на него. События минувшей ночи навалились на меня и видения одно ужасней другого стремительно понеслись в моем воспаленном и сотрясенном мозгу.

Не знаю сколько я пробыл в забытии, но пришел в себя от сильных ударов в дверь, ее по видимому решили выне-

сти вместе с косяком. Удары сопровождалась грязной бранью на русском и гортанными выкриками на чеченском. Сказать что мне было страшно это ничего не сказать. Ужас обуял меня. Я не стесняюсь в этом признаться. Страх присущ каждому нормальному человеку. Он дает ему возможность реально чувствовать окружение. и своевременно принять меры к самосохранению. Не верьте когда вам некоторые герои говорят что им неведом страх. Страх не ведают только психически больные люди. Самое главное не дать страху полностью овладеть вами, иначе ступор, паника а оттуда прямой путь к неудачам или дорога на тот свет. Мой страх меня не раз выручал, я даже научился слышать его голос. Вот и в этот раз он мне сказал:

– Это наверняка вчерашние гости. И пришли они явно не с добрыми намерениями, значит надо как можно быстрее уносить ноги.

Я выскочил на балкон. Зимний ветер казалось, готов был выдуть из меня душу-так свирепо он терзал мою легкую одежду. Но деваться было некуда и я превозмогая головную боль, холод, и страх полез через перила восьмого этажа. У меня просто не было другого выхода-останься я в комнате меня бы прибили бандиты, если сорвусь то разобьюсь. не сорвусь, значит буду жить. Все очень просто.

Перебравшись на наружную сторону ограждения балкона, я ухватился за его бетонное основание а ногами стал на перила седьмого этажа. Дело нескольких секунд и я уже бал-

коном ниже. На мое счастье там был большой ящик из-под телевизора, куда я без долгих раздумий и забрался. Защита от пронизывающего ветра, создала зыбкую иллюзию тепла.

В это время сильный грохот и лязг оповестил весь дом о том что в моей квартире выломали дверь. Видимо на этот раз неумные воины аллаха решили оттянуться по полной программе. Даже на соседском балконе было слышно как крушили мебель, разбивали об пол и стены то что не успели расколошматить в прошлый раз, а затем принялись за остатки оконных стекол. Их разбивали табуретками, кастрюлями и т.п., а затем начали выбрасывать в окна все что попадало под руку. Они испытывали к моей квартире отчего-то такую злобу, что ухитрились следом за телевизором выкинуть в окно холодильник. Уж и не знаю чем они им так насолили. Я сидя на чужом балконе, в холодном ящике, слушал как разоряли мой дом и плакал. Мне было очень обидно и больно, за что? Это были последние слезы в моей жизни. После этого было много случаев и пострашнее, но слезы больше не текли из моих глаз, наверное их лимит в этой жизни для меня был исчерпан.

ГЛАВА 3

Странное ощущение было у меня в тот момент. Совершенно не было озлобленности к моим визитерам, хотя и особой симпатии они у меня не вызывали. Была жгучая обида переросшая в ненависть к тем кто разрушил (и продолжает разрушать) нашу страну, тот устоявшийся уклад жизни где не было ненависти, было много радости, света и тепла. Вы ведь не будете обижаться на дубинку которая ударила вас по голове, а будете ненавидеть того кто этой дубиной вас огрел. Так и здесь. Не пришли бы эти, пришли другие. Таких вольных волков в чечне появилось очень много тогда. Но основная вина не их, они просто дикие дети природы у которых инстинкты зачастую пересиливают голос разума, хотя это их не сколько не оправдывает, они тоже заслуживали сурового наказания, основная вина тех кто безнаказанно позволил грабить, убивать, насиловать и воровать. Волков породила безнаказанность. А основным дирижером этого танца с волками был наш Боря президент —алкоголик, или тот кто за его спиной ловко манипулировал им напирая на его врожденные пороки и слабости. О том кто в действительности устроил нам этот праздник мы не узнаем никогда, приемник постарался от души, произвел зачистку по высшему разряду, чекист как никак, их в нашей стране готовили что надо, не то что сейчас. Поверь мне я знаю о чем говорю.

Я хорошо изучил повадки наших стражей госбезопасности. Они заботятся в основном о себе любимых и о безопасности тех кто им дает хорошо кормиться, за счет нас. О нас сырых и убогих нет дела никому. О нас вспоминает «родина-мать» когда ей требуется дешевое пушечное мясо. Когда я говорю о нас то имею ввиду русских (не путать с россиянами). Нерусские россияне, а в основном кавказцы, оказались очень хорошо подготовленными к новым реалиям. Сплоченные крепкими родовыми узами и в совершенстве владеющие искусством подкупа, они быстро сориентировались и купили нашу «демократичную и кристально-честную» власть с потрохами. Респект и уважуха им за это, как сейчас принято говорить.

Порой задумываюсь, а есть ли в верхах этой нашей Родины, хотя бы один человек который бы нас русских оставшихся в Чечне пожалел. Который бы просто помог нам не задумываясь о своей популярности, о рейтинге, без оглядки на своих хозяев (а у каждого «слуги народа» есть хозяин, и это вовсе не народ), просто сказал: они ведь русские! Нет таких. И вообще кажется что есть громадный нацпроект: как бы побольше извести русских. Причем по видимому он рассчитан и на перспективу: например нам в Чечне не выдавали ваучеры. Отмороженный местный фюрер Дудаев заявил что гражданам Ичкерии Российские подачки ни к чему, хотя знал наверняка, как никак из одной банды с Борей, что нас уже тогда списали в расход, а трупам зачем ваучеры?

Бесстыдству нашей верхушки нет равных в мире. Даже наш патриарх отличился —наградил ЕБН (Ельцин Борис Николаевич) высшим церковным орденом. Это его то, по чьей вине тысячи стали бездомными, или отправились на тот свет. Я верю в бога и надеюсь что там, ОН воздаст каждому за его деяния.

Наконец шум в квартире стал стихать. Одно из двух: либо им надоело, либо в доме не осталось ни одной целой вещи. После того как все окончательно затихло, я выждал минут десять затем выбрался из своей коробки и проделал обратный путь на свой балкон.

В доме царил полный разгром. Вся мебель была перевернута и разбита. В квартире вообще не осталось ни одной не разбитой и неполоманой вещи. А то что не разбивалось и не ломалось было разорвано. От холода и страха я не стал долго любоваться моим разоренным жилищем. Я подобрал с пола старую рваную куртку, единственное что меня могло согреть из того что осталось, одел ее, поднял воротник, полез за батареею на кухне и достал пакет где хранил документы и свои жалкие накопления. Уложив их во внутренний карман куртки, я присел на опрокинутый шкаф, как перед дальней дорогой, не догадываясь в этот предновогодний вечер, что я уйду из своей прошлой жизни навсегда, по дороге полной скорби и печали-дороге вечного беженца.

Хотя по понятиям (именно по понятиям, как и полагается в каждой криминальной группировке) наших больших и ма-

лых «слуг народа», в России нет и не может быть беженцев, а есть вынужденные переселенцы. Таким образом я не бежал из своего разбитого и разграбленного дома, а вынужденно переселился в другой район России так как проживание в данном районе горячо любимой Родины доставляло мне некоторые неудобства: например меня бы убили если смогли бы поймать, некомфортно одним словом.

Вот ведь как все просто- у нас нет беженцев, а стало быть и нет проблем с ними связанными. Да у нас есть, не побоимся этого слова, вынужденные переселенцы, но это как говорится «уже другой коленкор». Само слово переселенец уже подразумевает, что человек уже переселился (многие на тот свет) т.е. как бы живет в другом месте, а слово беженец сразу рисует в сознании людей жалких несчастных, держащих в руках жалкие пожитки или плачущих испуганных детей. У нас такого нет и быть не может. Не надо травмировать общественное мнение, на дворе как никак конец двадцатого столетия, понимаешь. А те несколько тысяч, которым посчастливилось не сдохнуть- рассосутся как ни будь, страна большая.

Продрогший и голодный я вышел на ночную улицу. Надо было где-то искать ночлег. Чтобы опять не встретится с этой шайкой волков- анашистов и не встретить рассвет мертвецом, я начал пробираться прижимаясь к стенам зданий, в другой район города к друзьям. Родители жили ближе но беспокоить их лишний раз я не хотел. Передвижение

облегчалось еще и тем что улицы были погружены в темноту и изредка освещались фарами проезжающих автомобилей. Непрерывно слышалась канонада. Одиночные выстрелы и очереди раздавались в разных концах города. И что характерно в 99 случаях из ста стрельба велась в воздух. Этот феномен чеченского народа необъясним, но это так. Если к нему в руки попало что-нибудь огнестрельное и еще в добавок блестящее — все! Он будет с ним ходить везде, даже в сортир за собой будет таскать. Будет вешать у своей кровати когда ляжет спать, и естественно не упустит возможности из него выстрелить, когда очень захочется. А хочется как оказывается очень и очень часто, т.е. пока патроны не кончатся. Если это желание его охватит за рулем машины то он тут же его и удовлетворит прямо на ходу. Однако случались и казусы-забытый в патроннике патрон приносил горе ни в чем неповинным людям, небрежное обращение, а порой наркотический или алкогольный дурман приводил к смерти либо близких либо самого стрелка

Вспоминается один особо яркий эпизод. Очередь в вагончик вулканизации. Небольшая, 5—6 машин. Жара. Впереди красивая новая иномарка. Ее водитель, лет тридцати, с лицом не обезабраженным интеллектом, изнывал от безделья. Уж он и дверь открыл, и ноги на нее положил, и музыку с горными напевами на всю включил а все ему нейметсся, все чего-то не хватает. Наконец он достал главный «козырь» -большой хромированный пистолет, чем привлек за-

вистливые взгляды соплеменников, стоящих неподалеку. Он был вне себя от счастья, в этот момент. Как бы нехотя, с нарочито небрежным видом, он передергивал затвор, вставлял и вынимал обойму, щелкал курком. Красивый пистолет эффектно лязгал, обойма вылетала из рукоятки точь в точь как в фильме про терминатора и вдруг раздался выстрел: незадачливый «Рембо» прострелил себе коленный сустав и дверь машины. Не зря видимо говорится: оружие шуток не любит, ошибок не прощает.

Чем дальше я продвигался, тем больше ощущал себя крысой загнанной в угол. За каждым углом мне чудились обкурившиеся анашой «слуги аллаха». Я был на грани отчаяния. Обидно было погибнуть ни за что, под смех и улюлюкание обдолбленных ублюдков. В той прошлой жизни я был очень миролюбивым человеком, даже очень, даже слишком. Не мог дать сдачи в драке, хотя был физически не слаб и не труслив, отчего в детстве постоянно ходил с разбитым носом или губой. Сама мысль причинить человеку боль или покалечить, казалась мне чудовищной, при виде крови своей или чужой я падал в обморок. Зато сейчас после всего что я прошел и испытал я могу убить любым способом какой только можно выдумать, пытаться или просто без затей перерезать горло. Эту чудовищную метаморфозу я почувствовал но не сразу осознал. Как будто во мне появлялся другой человек, или даже не человек а зверь, а я становлюсь орудием в его руках. В голове кроме ярости и желания убивать ни-

чего не остается. А моя сущность, человеческая, наблюдает за всем этим со стороны и ничего сделать не может. Потом зверь куда то уходит и я с удивлением и страхом смотрю на плоды его или моих, даже не знаю что вернее, рук. Наверное так начинается шизофрения, потому что силы мои увеличиваются при этом многократно как у всех душевнобольных в период обострения. Может быть это нечто всегда жило во мне и лишь когда близость опасности сильно потрясла меня и открылся некий сдерживающий шлюз, оно выбралось на волю? как знать. Но тем не менее я благодарен ему, этому беспощадному зверю, кто бы он не был за то что спас меня и наказал моих обидчиков. а их у меня в дальнейшем было не просто много, а очень много.

ГЛАВА 4

И знаете, я слушая рассказчика поверил ему, более того во время того досадного недоразумения в тамбуре, я вдруг ощутил что на меня смотрит не мой вежливый и приятный во всех отношениях попутчик, а нечто нечеловеческое и я нисколько не сомневался что еще немного и он меня прикончит. Что то такое можно увидеть в глазах хищника готовящегося к броску на свою жертву, я это как-то видел по дискавери. Но смотреть на это сидя в уютном кресле перед телевизором совсем не страшно, а вот от взгляда хищника направленного прямо в глаза перед последним броском можно обделаться мгновенно. О чем я и не замедлил сообщить своему попутчику.

– Я нисколько не удивлен -ответил он, -ты не первый кто мне об этом рассказывает. как только меня не называли и зверем, и хищником, нохчи называли «борз» -волк, а один пьяный попик-расстрига назвал Люцифером. При чем так интересно назвал, проходя мимо помахал рукой как хорошему знакомому, и так это: Привет люцифер! А я его вообще в первый раз вижу. Я его остановил и говорю:-мы что, знакомы? А он мне:-Конечно, ты всегда после первой поллитры ко мне приходишь... Это конечно было бы очень смешно, если бы не было бы так страшно.

Но мы отвлеклись. Итак я дрожа от страха пробирался

по темным улицам, и как назло когда я перебежал широкую улицу из-за поворота резко вырулил громадный черный джип и перегородил мне дорогу. Все внутри так и оборвалось: конец пришел. В машине сидели два «джентельмена удачи», их я смог хорошо рассмотреть когда открылись дверцы и мягкий свет потолочных плафонов автомобиля осветил их. Оба довольно крепких «моджахеда», одетых по последней моджахедской моде-в камуфляж с огромным количеством карманов, карманчиков и т.п. На обоих висело как минимум по пуду стреляюще-колюще-режущей белиберды начиная от «черемухи» и кончая автоматом с подствольником. Для полноты картины каждому не доставало только шашки через плечо. Много позже когда я стал мастером убийства, я не мог без смеха вспоминать этих двух сельских недоумков, но тогда мне было далеко не до смеха. Ведь я был простым обывателем в дешевеньких очках на близоруких слезящихся часто моргающих глазах, и один только их грозный вид вогнал меня в предкоматозное состояние, ноги стали ватными и перестали слушаться, я замер в лучах прожектора «патрoла».

– Стоять! -истерично вскрикнул один, хотя это было в данной ситуации лишним, т.к. я на тот момент потерял способность передвигаться, но и что либо соображать вообще. Я смотрел на них как наверное кролик смотрит на подползающего удава, и мысленно прощался с родителями, женой, детьми и с жизнью.

– Почему нарушаешь, комендантский час... Твою мать!

Я не успел и рта раскрыть, как получил увесистую оплеху, и вместе с соленым вкусом во рту ощутил как минимум отсутствие двух зубов. Потеряв равновесие я смог остановиться на четвереньках. Я с трудом поднялся и выпрямился колени противно дрожали.

– Паспорт сюда пи... рас!

Не дожидаясь когда последует вторая порция принуждения, я быстро и четко, как автомат подал ему документы. Второпях вместе с паспортом я протянул ему пакет со своими скромными накоплениями., чем вызвал у него приступ дикой радости. Его подельник готовился в это время справлять малую нужду, и стоя тут же в лучах прожектора, расстегивал массу кнопок и молний своей непростой амуниции, и так был поглощен процессом что участия в беседе пока не принимал.

– Смотри Мовсар, как этот ишак зассал, вместе с паспортом все свои деньги нам дарит, он и зад готов нам подставить, а если хорошо попросим то и за щеку возьмет! -и громко заржал.

– Мовсар этого кончишь ты, надо по честному, я и так за тебя тех деда и бабуку замочил, когда ты с их внучкой кувыркался-сказал он по чеченски-я не понимаю что ты в десятилетних находишь. Носитель имени Мовсар наконец-то управился с хитроумными замками и кнопками о чем оповестила тугая пенистая струя, у моих ног подхватившая

мой паспорт и потащившая его в направлении моих ботинок. Чувство глубокого удовлетворения Мовсара, выразилось в похрюкивании переходящем в громкое рыгание. Глаза его были прикрыты, а на лице блуждала нелепая улыбка. Картина плывущего паспорта так развеселила первого, что он даже согнулся пополам от смеха, а когда «брандмейстер» Мовсар начал своей струей омыwać мои ноги, приступ дикого хохота, едва не свалил его с ног.

А я вдруг очень четко представил, что вот сейчас закончит свое увлекательное занятие эта помесь обезьяны и упыря, достанет длинный свой ножик, быстро и по деловому пере-режет мне горло, вытрет лезвие об мою одежду, сядет на чудо японского автопрома, и уедет, оставив меня остывать в луже вонючей мочи. И не будет в его свинячьих глазках ни капли сострадания или сожаления. Вдруг это началось. Наверное так действительно сходят с ума. Я как будто видел себя со стороны. Исчезла дрожь, в руках я почувствовал небывалую силу, что в тот момент наверное разорвал бы любого голыми руками. Я увидел как мои руки абсолютно помимо моей воли хватают рукоятку черного военного ножа, который висел на поясе у первого. Это я описываю так долго, и наверное немного сумбурно, из-за того что все произошло очень быстро на раз-два., так быстро что я не верил что это сделал я. Такое бывает наверное только в кино! Я выхватил нож, на мое счастье он не был зафиксирован в ножнах. Если я сам не ожидал от себя такой резвости и смелости, то

первый не ожидал тем более. Нож вошел ему точно в глаз. Он умер мгновенно. Вряд ли его куриные мозги успели что либо сообразить, он даже испугаться не успел. «Брандмейстер» от неожиданности уронил свой «брандспойт» и окатил себе правую штанину. Он прожил на пару мгновений больше своего брата по разуму, и по видимому все таки испугаться успел до того как нож по самую рукоятку вошел ему под подбородок. Лезвие пробило ему череп снизу и его кончик торчал из макушки сантиметра на два. Когда я спустя несколько лет рассказал об этом своему другу судмедэксперту, он не верил т. к. покойный был более чем на голову длиннее меня. Безвременно усопшие покоились в свободных позах друг на друге, а под ними лежал мой паспорт. Все мы были мокрыми от мочи и крови. Я бережно извлек свой серпастый- молоткастый и аккуратно обтер его об Мовсара. Волоком, за руки и ноги я заволок тяжелые тела в багажник джипа и сел за руль. В этой машине мне уже было ничего не страшно. Включив музыку погромче я помчался вперед. Не доезжая квартала до дома своих друзей я притормозил и аккуратно съехал тупорылой мордой авто в кювет. Быстро по деловому обшарил карманы покойных и за 5 минут стал обладателем сказочных сокровищ. Десять тысяч долларов, и около полукилограмма золотых украшений и коронок таскали в карманах мои несостоявшиеся палачи. Прихватив автоматы покойных, с полным боекомплектом, два военных ножа, беретту и парабеллум. я найденные в машине гранаты связал

в одну большую связку. Закрепив все чеки веревкой которая тоже нашлась в машине и оказалась достаточно длинной чтобы, зайдя за угол дома дернуть за нее. От взрыва как мне показалось, даже подпрыгнула пятиэтажка. Над головой пролетело колесо и с треском высадило раму на втором этаже. Стекла дождем посыпались из окон. Несмотря на переполох не один любопытный не высунулся из окна. Остатки джипа разбросанные в художественном беспорядке по улице, освещали ее не хуже праздничной иллюминации. Это зрелище отчего-то мне так понравилось, что я несколько минут стоял и глупо улыбаясь любовался творением своих рук. Из всех троих мне больше всего было жалко джип.

– А нечего было с гранатами баловаться-, сказал я ни к кому не обращаясь, и взвалив на плечи полученное наследство, не спеша отправился к друзьям.

ГЛАВА 5

Шагал я осторожно но без страха-оружие придавало уверенности. Дом где обитали мои друзья возвышался темной угрюмой скалой среди себе подобных-свободная Ичкерия освобождалась от оккупационных оков России- электричества, общественного транспорта, образования, и элементарных бытовых удобств —водоснабжения, канализации, вывоза мусора и тому подобных происков столь ненавистных свободным горцам происков имперской России. Первыми пали электричество и городской трамвай. Стоило всего на несколько часов отключить где либо электричество- так сразу лихие джигиты срезали провода и с громадной выгодой сдавали их в металлолом. По той же причине приказал долго жить и водопровод-любая поломка становилась роковой- насосы и все что можно было выдрать, выкопать, отвинтить отправлялось в свой последний путь по маршруту Чечня-Новороссийск-Турция.

Почти ощупью я добрел до нужного подъезда открыл дверь и стал пробираться по лестнице. Дом оказался не столь безжизненным как могло показаться на первый взгляд. То тут, то там слышался шепот, глаза привыкшие к темноте, замечали слегка приоткрытые двери и тени которые возникали и бесшумно исчезали. Люди напуганные небывалым разгулом суверинитета затаились как мышки в своих норках,

и со страхом ждали от каждого прохожего какой -нибудь радости, и что самое противное ожидания в большинстве случаев сбывались, о чем можно судить по моим вышеизложенным приключениям.

А вот и нужная мне дверь. Я негромко постучал. За дверью что-то зашуршало, и тут- же затихло. Я выждал немного, постучал снова и сказал:-Не бойтесь это я.

Тут в замке провернулся ключ, дверь открылась и из темноты послышался насмешливый голос моего друга Славика:- Кто я? Я бывают разные!

Я вошел в прихожую и свалил свою ношу в угол, после этого мы обнялись.

– Ты чего это по ночам с оружием разгуливаешь? Никак в муджахеды подался? Дай посмотрю, ух ты беретта, парабеллум, я их только в кино видел.

Надо отдать должное -ни он ни я на тот момент ни за что бы не определили бы марку пистолетов, если бы их название не было выбито на них самих. Единственное оружие которое мы видели и держали в руках это был автомат Калашникова и пистолет Макарова, стрелять из которых нам пришлось во время учебных сборов после окончания военной кафедры института, причем из автомата выстрелить короткой очередью дали, а вот пистолет дали только подержать.

Я с видом бывалого вояки дал ему немного подержать в руках мои трофеи, после чего усталым голосом того-же бы-

валога бойца сказал:

– Оружие детям не игрушка – отобрал их у него и свалил обратно в угол.

Мы прошли на кухню. У моего друга был вид как у ребенка у которого только что отобрали любимую игрушку. Что бы как то сгладить неловкость я сказал:

– Не обижайся, я потом тебе подарю любой из них на выбор. Просто ни я ни ты этими штуковинами пользоваться не умеем, еще что-нибудь отстрелишь себе или мне. Давай изучение их устройства отложим до завтра.

После этого я рассказал ему обо всем что со мной произошло.

– Теперь вот не знаю что мне делать, наверное перекантуюсь у тебя до утра если не выгонишь конечно, утром проведу стариков и поеду к семье. Жаль квартиру но видно продать ее не судьба.

– Да живи сколько хочешь-сказал Славик-у меня та же картина – и квартиру и мебель придется бросить. Вот я тоже досиделся до нового года, покупателей на все это добро нету. Один, правда, тут все ходил приценивался, я уж ему и половину сбросил и часть вещей в виде бонуса пообещал, а он все завтра, завтра и пропал куда-то... Вообще все как наши братья меньшие, помнишь, скандировали: Не продавай квартиру Маша она все равно будет наша!

– Да. Я хорошо помню все их поганые лозунги: Татарам Казань, ингушам Назрань, русским Рязань, и вот этот самый

сочный: Русские не уезжайте нам нужны рабы и проститутки! Все-таки как быстро все изменилось, я конечно никогда не пылал к ним особой любовью, как собственно и они ко мне, но никогда не думал что они нас так ненавидят.

– Эх лучше бы я неделю назад уехал к жене, хоть бы Новый год встретил как человек-с тоской в голосе произнес мой друг. Он расставил на столе нехитрую закуску, достал бутылку водки-Ну да ладно, давай хоть выпьем за встречу и заодно уж и за новый год.

Мы быстренько налили и выпили по первой. Закусили. И тут началось. Где-то в отдалении громыхнул взрыв, за ним второй, после чего они переросли в сплошную громкую канонаду. Мы как люди сугубо гражданские, не могли определить расстояние и тип оружия, но и неискушенному в военном деле человеку было ясно что стреляют из пушек и судя по увеличению громкости разрывов они очень быстро приближаются к нам. Где-то пролетел самолет.

– Это война, сказал Славик: Ведь говорили мне, а я дурак не верил. Вот последний раз на базаре, вчера водку покупал, один там знакомый мне все мозги вынес: завтра война, значит давай мы твой пузырь сейчас и выпьем, че добру пропадать, я послал его и ушел. И чечены с нашего подъезда во всю грузились и уезжали в свои аулы, еще и меня с собой звали. В автобусе разговоры все только про войну да про войну.

– Да. Теперь мы свои хоромы стопудово не продадим-сказал я-Давай выпьем за то чтобы я ошибся.

Мы повторно выпили и с аппетитом закусили. Бой тем временем усилился. Временами нам казалось что канонада раздается где-то совсем рядом. Вспышки освещали небо почти непрерывно. Вдруг раздался противный, просто до тошноты противный, вой и прилетевшая откуда-то какая-то дрянь взорвалась прямо под нашим окном.

Мы оба практически мгновенно оказались под столом, а наш новогодний стол обильно осыпало битым стеклом и кусками штукатурки. В воздухе запахло какой-то кислятиной и водкой которая разлилась из разбитой бутылки. Мы крепко прижались к батарее отопления и стали ждать «продолжения банкета». И оно — это самое продолжение не заставило себя долго ждать.

Бомбы, гранаты, мины или может быть даже ракеты стали непрерывно взрываться во дворе. Кухню, где мы затаились, буквально осыпало дождем осколков. Стоящий напротив окна холодильник за несколько мгновений на наших глазах превратился в странный уродливый огрызок. Раскаленный кусок железа отскочил от стены и воткнулся в пол прямо между моих ног. Мы оба уставились на него, а затем не сговариваясь одновременно и чрезвычайно стремительно поползли вглубь квартиры. Даже не поползли а как два барса бросились в дверь и ощутили себя уже в совмещенном санузле. Сюда не залетали осколки, но было полное ощущение того что кто-то с громким свистом бил по бетонным стенам огромной кувалдой. Стены от этого гудели и слегка вибри-

ровали. С потолка и вдоль стен сыпался мелкий белый песок. Все вышеперечисленное породило в нас такой приступ клаустрофобии, что мы срочно решили выбираться из дома на свежий воздух

– И добро ты не спасешь и сама ты пропадешь-процитировал вдруг Славик сказку «Кошкин дом». Что мне всегда нравилось в Славике это то, что он никогда не терял чувства юмора. Мы весело расхохотались и покинув санузел хохоча переместились в прихожую. Наше жизнерадостное истеричное ржание неожиданно прервала дверь, которая после чудовищного взрыва в подъезде оторвалась от стены вместе с косяком и треснула нас обоих по голове.

Все-таки как хорошо что двери в многоэтажках делают из прессованного картона, так называемого ДВП. Я с ужасом представил что было бы с нами будь эта дверь дубовой.

Первым очнулся я. Открыв глаза, я увидел дверь которая лежала на мне, ощутил чудовищную головную боль и песок во рту. Кое-как я выплюнул песок и попытался вертеть головой. Превознемогая боль в голове это мне удалось сделать со второй попытки. С третьей попытки я вылез из-под двери. Едва я встал на четвереньки, как меня сильно стошнило, но голова стала болеть гораздо меньше и стало легче дышать. Под дверью шевелился и тихонько поскуливал Славик. Освобождение его из дверного плена длилось долго, поскольку на дверь сверху рухнул шкафчик, полный кастрюль, сковородок и разного прочего барахла, металлического и до-

вольно тяжелого, а я после каждого предпринятого усилия был вынужден отдыхать, так как оно отдавалось в моей голове чудовищной вспышкой боли. Несколько раз я ощущал что вот-вот опять упаду в обморок, но Славик стонал так жалобно, что я из последних сил продолжал разбирать завал. Наконец я выволок его из-под двери. Он схватился за голову и застонал еще жалобнее чем до того.

Начинало светать. Я подошел к месту старта, едва не угробившей нас входной двери и замер в изумлении. На месте лестничной клетки зияла огромная пропасть. Какой —то огромный боеприпас пробил дом сверху донизу и взорвался в подвале. При этом почти все квартиры первого этажа исчезли, а взрывной волной повышибало все уцелевшие двери, одной из которых нас и накрыло.. Мой несчастный, контуженый друг по прежнему лежал на полу, плакал и стонал размазывая по чумазому лицу слезы вперемежку с соплями. Он несколько раз пытался принять вертикальное положение но оба раза неудачно. После чего он встал на четвереньки и его стошнило прямо на мои ботинки. Я взял его за шиворот и потащил в уцелевшую комнату. Уложив его на диван я упал рядом —голова болела ужасно.

На некоторое время я отключился, а когда пришел в себя то по звукам взрывов понял, что пик обстрелов от нашего дома стал удаляться. Осколки в окно больше не залетали. Славик сидел на диване и тихо подвывал. Из его уха текла кровь. Я уложил его на диван, затем принес из кухни мокрую

тряпку, вытер ему лицо, а тряпку положил на лоб. Он еще немного постонал а потом заснул. В квартиру через выбитые окна врвался сырой и холодный зимний ветер шевеля обрывки занавесок и поднимая белую пыль которой вся квартира включая нас была обильно усыпана. Моя голова продолжала раскалываться от боли. На дрожащих ногах я кое-как доковылял до шкафа и начал в нем рыться в поисках таблеток от головы. Пришлось перерыть руины двух шкафов пока я нашел искомое. На кухне обнаружилась чудом уцелевшая пластиковая бутылка с минеральной водой. Я выпил лекарство, разбудил стонущего во сне друга, дал и ему. Затем я собрал всю уцелевшую одежду, одеяла накрыл его и себя и попытался заснуть. Сна как такового не было. Было странное видение-бегущие в страхе навстречу мне люди кричавшие: Зверь! Он опять появился!..Завидев меня они шарахнулись в сторону и как мне показалось побежали с утроенной скоростью.

Удивительно, но на меня это не произвело ни малейшего впечатления. Я был спокоен и с удивлением смотрел вслед убегающей толпе. И тут показался тот от которого они, повидимому, спасались. Ужасное и мерзкое существо, как из фильма ужасов, подошло ко мне. Я даже почувствовал его смердящее дыхание, но странное дело, никакого страха и ужаса отчего-то не испытал.

– Слушай, ты, помесь глиста и крокодила, почему я тебя не боюсь? -развязно спросил я.

В ответ этот монстр сунул мне в лицо зеркало. Из зеркала на меня глянула такая мерзкая и страшная харя по сравнению с которой стоящий передо мной выходец из ада казался писанным красавцем.

В холодном поту от страха я проснулся. За окнами занимался бледный зимний рассвет. Славик сидел рядом и тупо смотрел в окно. Заметив что я проснулся он негромко сказал:

– Я наверное оглох на одно ухо.

– С чего это ты решил? – сказал я, сразу вспомнив кровь которая текла у него из уха.

– Да не слышу им ничего.

– Ну это может быть временно, может просто барабанная перепонка травмирована или еще что по мелочи-попытался я его успокоить.– Контузило нас конечно от души. Хорошо что хоть живые остались. Тут такая дура взорвалась. Ты подъезд свой видел?

– Да видел конечно, Подходил, смотрел. Этажом ниже сосед по стене размазанный. По шлепанцам узнал-я их ему на день рождения подарил. Да это Серега, ты его должен помнить мы как то первое мая вместе отмечали.

– Серега? Это у которого мы потом песни пели? Да ты что...

Я подошел к порогу и глянул вниз.

– Вон видишь? На той стене.

Я увидел кровавые брызги на стене, прилипшие к ним об-

рывки одежды и домашний тапок, ярко красный в синюю полосу.

– А может это и не он.

– Какая разница теперь-он не он, посмотри что стало с их квартирой, там вообще никаких шансов.

На квартиру соседа пришелся видимо эпицентр взрыва и я разглядывая разрушения не понимал за счет чего вообще держится в воздухе квартира моего друга. По всем законам гравитации она уже давно должна была обрушиться и упокоить всех уцелевших в одной братской могиле.

Надо срочно валить отсюда, подумал я и спросил Славика —Ты как сам? Передвигаться можешь?

– Передвигаться то я передвинусь, но вот как мы отсюда вылезем? Да и надо ли это сейчас делать? Дом, бог даст, не рухнет, если до сих пор не рухнул. Война в самом разгаре. Еще пристрелят мимоходом. Давай хоть сегодня тут отсидимся, а завтра и рванем.

– Я в принципе не против, но уж очень страшно вы выглядывать в подъезд, еще одного попадания дом точно не выдержит.

– А ты не выглядывай, будет не так страшно. Ладно, давай дождёмся темноты и будем выбираться.

Чтобы скоротать время стали рассматривать мои трофеи. Пострадал незначительно только один автомат, но для стрельбы годился. Зато вся наша верхняя одежда висевшая на вешалке и качественно обработанная осколками пред-

ставляла собой жалкое зрелище и годилась только для одевания огородного пугала. Зато в ящике на балконе нашлись две отличные, правда слегка грязные телогрейки- ими на зиму укрывали картошку чтобы не замерзла. Одев их и расставив боеприпасы по карманам мы сразу стали похожи на партизан, не хватало только красных ленточек на ушанках.

Связав несколько простыней мы довольно таки успешно спустились вниз. Оглядевшись и отдышавшись мы едва не потеряли дар речи от увиденного. От дома который мы только что благополучно покинули остался один подъезд, вернее нечто его напоминающее — корявая башня шириной в один балкон вопреки законам физики висевшая казалось в воздухе так как первый этаж отсутствовал начисто. Видимо не зря хрущевки считали одним из чудес света.

Все остальное что когда-то было домом представляло собой хаос из бетонных фрагментов перекрытий, битого кирпича, разбитой мебели и кусков тел жителей. Руки, ноги раздавленные головы и тела были повсюду. Дом был полон-жильцы готовились отпраздновать новый год, который для них, увы стал последним...

ГЛАВА 6

Осматривались мы недолго —опять начался обстрел, пришлось стремительно кинуться к единственному укрытию-бетонному заборчику который когда-то окружал мусорные баки, а ныне был едва виден из-за громадной помойки. Это укрытие как оказалось было очень кстати и едва мы зарылись в мусор, как снаряд окончательно завалил остатки дома, подняв облако пыли и разбросав вокруг обломки. Когда пыль улеглась мы грязные и вонючие напоминали двух огромных помойных котов. От одной мысли о том, что задержись мы хотя-бы на минуту... уже делалось неуютно. От всего дома в живых не осталось никого. Может быть под обломками и теплилась еще жизнь, но об этом уже никто и никогда не узнает.

И тут началось. Я опять буквально каждой клеткой мозга ощутил как в меня входит он-зверь. Ненависть к тем кто превратил наш город в руины буквально переполняла меня, я буквально задыхался от злобы. Я одинаково ненавидел этих шайтанов —боевиков во главе с идиотом —генералом которые умертвили город изнутри, так и российских доблестных « защитников» которые окончательно добились его сравняв с землей вместе с его несчастными жителями.

Мы кое-как выбрались из мусорной кучи и даже не отряхнувшись мелкими перебежками стали перебегать подальше

от этого страшного места. Бежать из-под обстрела надо как можно быстрее и как можно ниже к земле, временами даже ползком. Это нехитрое правило мы усвоили очень быстро, а может быть мы и не усваивали ничего, может это все инстинкты? Не знаю.

Тем не менее в быстром, даже можно сказать в стремительном темпе преодолели таким образом пару кварталов и я почувствовал что просто задыхаюсь, Славик тоже начал сбавлять темп и пыхтел как паровоз.

– Знаешь что, давай выкинем эти дурацкие автоматы вместе с патронами-сказал я-нам и пистолетов хватит если что, а то увидят ни дай бог, пристрелят и разбираться никто не будет. Для нас сейчас опасны и те и другие.

– Я и сам хотел тебе это предложить, мне честно говоря тяжело его переть, в голове такое творится... —он махнул рукой.

Славик был бледным как сама смерть. В это время раздался оглушительный свист и мы оба абсолютно синхронно шлепнулись в довольно глубокую лужу. Где то совсем рядом громыхнул взрыв. Комья земли, какие-то камни и обломки досок больно огрели нас по спине. Полежав немного неподвижно, я выполз из грязи и выволок на сушу своего едва живого друга. Он едва дышал, из разорванного рукава текла кровь. Вокруг нас по прежнему раздавались взрывы. Осколки градом осыпали округу. Я прижался к земле и боялся даже приподнять голову, хотелось вжаться в землю, рас-

твориться в ней пока весь этот кошмар не закончится.

И опять... Кто-то сильный, страшный и властный поднялся из глубин подсознания и скомандовал: Вперёд! Исчезла дрожь в руках, страх не пропал но как-бы отошел на второй план, и самое удивительное то что я знал как дальше поступать, как будто я всю сознательную жизнь только и делал что бегал под бомбежкой. Я весьма умело поволок своего так и не пришедшего в себя друга в ближайшую воронку от снаряда. Едва я затащил его туда, как решимость оставила меня и мы оба покатались на дно. Хотя наступила ночь но было светло из-за постоянных взрывов и горящих линий бытового газа.

Славик начал подавать признаки жизни-он слегка пошевелился и голосом умирающего произнес:

– Я все еще живой?

– Не могу утвердительно ответить на твой вопрос, мой юный друг, потому что не уверен жив ли я сам.-ответил я, ощупывая самого себя на предмет выяснения своей целостности.

В это время совсем рядом бухнул взрыв при этом всю округу и нас в том числе осыпало дождем раскаленных железок. Одна из них упала мне на руку, а Славику за шиворот. Оглушительный вопль боли огласил окрестности, перекрыв на мгновение даже звуки разрывов. В воздухе запахло паленым мясом и горящими тряпками. Моя телогрейка тлела и воняла. Славик извивался ужом и орал благим матом.

Я как можно быстрее стянул с него одежду, из-под рубашки выпал сизый рваный кусок металла. После этого я снял и потушил рукав своей телогрейки, которая хотя и намокла но тем не менее уже из разряда тлеющих начала переходить в разряд начинающих гореть. После этого я утихомирил своего друга, заткнув его рот рукой, и осмотрел его. Первый осколок (перед приземлением в лужу) скользнул вдоль рукава телогрейки и распоров его от плеча до локтя просто поцарапал кожу, по видимому не очень глубоко, потому что кровь уже едва сочилась. Зато пониже затылка на спине был черный ожог размером с яйцо по очертаниям напоминающий немецкий крест. Я как смог перевязал его руку, для чего употребил его рубашку. Невзирая на его стенания натянул на него свитер и телогрейку. Эпицентр обстрела сместился тем временем в сторону и я решил осмотреться. Раненый Славик уже не орал, а тихо матюкался сквозь зубы. Следов неприятеля не было видно, зато окружающие дома годились только для съемок фильма про войну. Я представил себе людей погибших при этом и умирающих под руинами. Несколько братских могил возникло буквально за полчаса. Мое сознание было наверно еще не готово равнодушно это воспринимать. и меня прорвало: я бился в истерике, орал, посылая проклятия на голову тех кто похоронил их, вынул затем пистолет и начал стрелять по сторонам пока в обойме не кончились патроны, потом бросил его под ноги и отключился. Сколько я был в отключке не помню.

После того как я пришел в себя мы еще долго сидели в воронке ожидая неизвестно чего. Занимался мутный рассвет. Мы выбрались из ямы на дне которой уже начала собираться вода. Мимо нас печально проходили такие же несчастные как мы. Люди искали пристанища, пытались сохранить какие то вещи, разыскивали родственников. Слышались только шаги и сдавленные рыдания. Мы тоже тронулись в путь. На каждом шагу попадались обезображенные трупы людей. Бестолковый и бессмысленный обстрел вначале выгнал людей на улицу, а затем эта мятущаяся толпа ни в чем неповинных взрослых стариков и детей была истреблена жестоко и даже с каким то особым цинизмом. Людей накрывало прямо группами, где кто стоял тот там и упал. Некоторые были с оторванными конечностями, у некоторых была оторвана голова. Мы шли не разбирая дороги и тоже плакали- Славик размазывая слезы по чумазому лицу, а я без слез и молча но мне от этого было не легче.

Не знаю смогу ли я словами передать тот ужас первой бомбежки. Поймут ли меня те кто всю жизнь прожил в спокойной и тихой стране? Не знаю. Я и сам бы не поверил если бы все это случилось не со мной. Страшно и дико было не от самого факта неожиданной смерти, это было и будет всегда и везде — стихийные бедствия, несчастные случаи где гибнет не меньше, а может даже больше людей. Это все стихийные, неуправляемые и непредсказуемые причины. А здесь все было рукотворным и заранее обдуманым. Тот кто отда-

вал приказы на штурм города, доблестный заслуженный военачальник, отточивший свой полководческий гений в Афганистане прекрасно сознавал чем все это обернется. Ему и президенту- алкоголику и всей их воровской банде надо было срочно скрыть следы гигантских афер, а мы?... Ну скажите кто и когда в нашей несчастной стране жалел простых людей? Нас всегда считали, и считают и наверно будут продолжать считать Серой толпой, массовкой, быдлом т.е. скотом годным для обслуживания так называемой «элиты». Это странное слово —элита стало все чаще и чаще применяться в различного рода статьях, которые в последнее время попадают мне на глаза. Причем газеты и журналы самого разного толка-от насквозь продажного московского комсомольца до занюханной районной многотиражки какого-нибудь Крыжополя стали как по команде употреблять это модное название. Я раньше считал (ничего не поделать -совковое воспитание) что элита это лучшие из лучших. Лучшие ученые спортсмены, специалисты, артисты в общем специальность или род занятий не имеет значения, одним словом-лучшие. Однако сейчас в это понятие вкладывают совершенно иной смысл. Сейчас элита это те у кого больше власти и денег, и только те которые входят в определенные « касты» -их несколько: первая самая могущественная и богатая —административная. Начиная от мэров всяких богом забытых городков до губернаторов и представителей президента, всевозможных депутатов и парламентариев, министров их ви-

це и многочисленных замов. Проще говоря чем выше должность тем элитнее. На втором месте наши доблестные защитники безопасности нашей страны (ФСБ-если кому непонятно). Люди в массе своей без стыда и полным отсутствием совести. Врать не буду, надо отдать должное в их рядах иногда появляется настоящая элита, но эта элита настолько малочисленна, что существенного изменения имиджа всей псевдоэлиты не вносит. Попытка этой малочисленной группы людей жить по совести и понятиям чести жёстко пресекается, они сами подвергаются процедуре шельмования и оставшаяся часть службы, в лучшем случае, проводят в каком-нибудь анадыре среди белых медведей. Третья группа криминальные авторитеты и так называемые олигархи. Все они отнесены мной в одну группу так как граница между ними весьма зыбкая и зачастую вовсе отсутствующая. Четвертая группа – полиция, считается элитой условно так как кормится от первых трех групп и в основном у них на посылках. Деление на группы тоже весьма условно. Родственно-кумовские и приятельски-деловые отношения настолько сплотили и сцементировали их что они стали напоминать сиамских близнецов, разделение которых невозможно без их смерти. Оставшиеся граждане нашей необъятной родины независимо от каких либо достижений в чем либо элитой не считаются, их обязанность обслуживать, развлекать и всячески ублажать представителей вышеперечисленных «каст». Я немного отвлекся в своем повествовании, впрочем Америки не от-

крыл-это известно каждому здравомыслящему человеку который прожил жизнь в России.

Итак продолжу свой печальный рассказ. Обстрел снова возобновился. Передвигаться днем да еще и под бомбежкой было опасно вдвойне и надо было определиться куда идти?

– Знаешь что, -рассудительно как только это было возможно, начал я-Будем пробираться к моим старикам. Днем нас стопроцентно кто-нибудь пристрелит или те или другие, поэтому пойдем ночью, а до этого пересидим где-нибудь. Вот только где?

ГЛАВА 7

Воспользовавшись небольшой передышкой в обстреле мы осторожно выглянули из воронки. Ничего более менее надежного не попадалось на глаза. Кругом были либо развалины либо полуразвалины, которые в любой момент могли стать ими.

И тут мой взгляд уткнулся в неприметное сооружение метрах в двадцати от нас. Высотой около полуметра от земли бетонная площадка теплоцентрали, слегка засыпанная обломками и оттого имеющая неприметный вид. Практически готовый блиндаж к тому же неплохо замаскированный.

Мы осторожно как только это было возможно начали переползать к нему, вжимаясь в землю при каждом очередном разрыве. Ну вот и последние метры преодолены – мы не без усилий сняли тяжелый чугунный люк и по скользкой железной лестнице спустились вниз. Закрыв его мы оказались в полумраке — свет пробивался только в одном месте где была повреждена кирпичная кладка-небольшая щель размером с 2—3 кирпича освещала и позволяла хотя-бы слегка наблюдать за происходящим на поверхности и ориентироваться в нашем временном убежище. Если кто не знает то объясню- это бетонный колодец размером где-то два на два на два метра-из которого в обе стороны уходит бетонный «пенал» с уложенными в него трубами. Размеры пенала та-

ковы что по нему хотя и с трудом можно проползти до следующих колодцев который находились в метрах 50 от нашего в одну и в другую стороны. Правда на дне пенала стояла вода которая почти закрывала сами трубы и делала эвакуацию по ним несколько затруднительной если бы это пришлось делать. Едва лишь мы спустились вниз и огляделись как на поверхности разгорелся настоящий бой-мы попали наверное в самый его эпицентр. Я осторожно выглянул в щель между кирпичами

– Ты знаешь мы кажется попали, наверху сражение в самом разгаре-трассеры лупят как в кино.

В это время что-то взорвалось совсем рядом и заволокло наш «бункер» кирпичной пылью и противным дымом. Я пулей слетел вниз, за мной вдогонку упали два кирпича один из которых больно стукнул меня по ноге. Отверстие в кирпичной кладке таким образом расширилось – стало светлее. Мы просидели так весь день. Наконец-то стемнело. Я первый нарушил наше тягостное молчание-бой к тому времени наверху затих и переместился в сторону.

– Итак командование беру на себя-сказал я-бойцам оправиться и покурить. Осмотреть и перезарядить оружие.

– Есть сэр-поддержал мою шутку мой друг- Если позволите я перезаряжу ваш- мой и так заряжен. Это вы стреляете чуть что куда попало сэр.

– Выполняйте боец.

– Есть сэр. Разрешите бегом сэр?

– Разрешаю. Вот если- бы я мог как и ты падать в обморок от каждой ерунды-тогда конечно другое дело

– А вы сэр...

Договорить он не успел- люк со скрежетом отъехал в сторону, послышалась гортанная чеченская речь и в люк что-то начали пропихивать. Мы не сговариваясь бросились в короба, он в одну а я в другую сторону. Я отполз метра на три и зачих. По голосам я понял что это были солдаты которых боевики захватили в плен. Кто-то из них плакал, кто-то матом крыл их и своих командиров, кто-то громко стонал. По голосам я определил что их было не менее десяти и некоторые были ранены. Пользуясь шумом я пополз вперед столь стремительно что передо мной образовался даже небольшой бурун тухлой воды. И вот наконец колодец-я мокрый и грязный осторожно выглянул наружу-люка на мое счастье не было и я проделал это бесшумно. Возле покинутого нами колодца стояла группа боевиков. Они что-то выкрикивали, что было мне не разобрать, хотя я неплохо знал чеченский, так как орали они все вместе. Затем в колодец полетели дымовые шашки что вызвало у них особую радость и смех, который усилился когда из колодца донеслись крики о помощи и кашель задыхающихся людей. Внутри меня опять проснулся он- зверь! Ушел страх, я весь стал как- бы другим. Уверенными и четкими движениями я стал подбираться к банде отморожков. Было одно желание —убивать!!.Вспоминая и анализируя потом свои мысли в тот момент я даже не ду-

мал о спасении солдат- все перекрывало одно желание убивать, убивать и убивать!!

Вдоль трассы шел бруствер из земли который или забыли или просто не успели заровнять после последнего ремонта теплоцентрали. Вдоль него я смог незаметно подобраться почти вплотную к улюлюкающей кучке боевиков, да они особенно и не оглядывались по сторонам, настолько были увлечены своим звериным развлечением. Тут один из них закричал:

– Сабур, сабур (подожди чеч.) и пустил в люк сигнальную ракету.

Другой следом бросил в колодец гранату. Глухой взрыв прогремевший в колодце даже не смог заглушить вопли радости ублюдков и прекратил мучения несчастных. Это была последняя радость которую испытали в жизни эти дети шайтана. Зверь который проснулся во мне расвирепел и встал на дыбы. По всему телу опять как и в прошлый раз пошли какие-то странные импульсы, даже не знаю как их назвать, это было похоже на электрический ток. Одновременное покалывание буквально в каждой части моего тела. И ощущение вернее осознание своей силы и могущества если можно так выразиться. Я выхватил «беретту» и четко и быстро как робот всадил в каждого по пуле. Я не знал тогда сколько патронов в обойме пистолета и смогу ли я наградить пульей каждого. Но похоже что тот кто во мне проснулся все это знал, всех пересчитал и каждый получил свой свинцовый

подарок. После этого я так как будто все время только этим и занимался, ножом добил троих которые подавали еще признаки жизни.

– Ну что шакалы, аллах акбар? – произнёс я каким-то чужим и страшным голосом и рассмеялся. Этот чужой смех я запомнил и каждый раз вспоминая его мне было страшно.

Но в тот момент мысли были заняты одним- убить! И я на всякий случай перерезал горло остальным. Внутри я буквально услышал довольное урчание зверя и почувствовал что он оставил меня в покое и ушёл туда откуда пришёл, а я пришёл обратно в себя.

Первой мыслью было-что со Славиком?. В колодце была темнота и оттуда валил дым.

– Есть кто живой? -в ответ тишина.

– Славик ты как? -опять тишина.

Поскольку колодец был забит телами и лезть в него желания не было я решил попробовать поискать своего друга проникнув в трубный пенал из следующего колодца. Но крышка люка следующего колодца не поддавалась. Ощупав его в темноте я понял причину- люк был заперт на спецзамок и его можно было отомкнуть трёхгранным спецключем. Отчаяние охватило меня-все попытки открыть его не увенчались успехом. Я вернулся к месту где валялись трупы незадачливых дудаевских «мудьджахедов» и пошарил в их рюкзаках. Достал фонарик и несколько гладких зеленых гранат. Названия их я не знал но принцип их работы и об-

ращение с ними были мне знакомы. После чего я расшатал кирпичную кладку колодца, на котором лежала плита, как я и говорил не сама трасса не колодцы после ремонта не были засыпаны до конца. В образовавшуюся щель я засунул гранату, выдернул чеку и откатился по плите в сторону. Бабахнувший взрыв сделал в кирпичях дыру диаметром более метра. Да кирпич у нас что и говорить-делать умели.

Я кое-как подсвечивая себе фонариком протиснулся в образовавшийся проход. Осмотревшись я понял почему колодец был закрыт-рабочие ремонтировавшие теплотрассу устроили там свою бытовку и склад инструментов. Посветив фонариком в короб я метрах в трех увидел знакомые ботинки. Я втиснулся в пенал и попытался за ноги выволочь своего друга в колодец. Но не тут то было-если в коробе можно было с горем пополам еще кое как ползти, то тащить за собой что либо одной рукой и одновременно другой отталкиваться у меня не получалось. Славик признаков жизни не подавал и соответственно облегчить мне процесс выволакивания не мог. Тут меня осенило- я ведь видел среди инструментов кусок троса с петлями на концах- рабочие им наверное стропили грузы. Выбравшись обратно в колодец я взял трос, забрался обратно обвязал им ноги моего незадачливого друга, и выбравшись начал вытягивать его. Вначале из пенала показалась грязная волна тухлой воды а следом и он сам. По слабому шевелению его рук я понял что он живой.

— С приездом дорогой товарищ. Хорошо что ты полез впе-

ред ногами а то пришлось бы мне тебя за шею привязывать.

– А-а-а!..кто здесь?!! -вдруг не стого не с сего заорал он

– Чего ты орешь дурак? -я заткнул ему рот-Это я. Твой верный друг и спаситель.

– Где я?

– Где, где-в Караганде! В колодце вот где- грязные, воняющие, мокрые- но живые. Накрылось наше передвижение судя по всему медным тазом- мы по всей видимости на линии фронта или где-то в этом роде. Пока не поймем что к чему трогаться не стоит. Тем более мы вымокли до нитки-а на дворе сам понимаешь не месяц май. Ты сам как? Передвигаться можешь?

– Да я нормально- вот только холодно очень- пролязгал зубами мой оживший друг.-

– Как более мобильный и боеспособный беру командование на себя- пролязгал я вот- Приказ будет такой-тут неподалеку лежит группа абсолютнодохлых граждан муджахедской национальности. Им тёплая одежда уже как ты понимаешь ни к чему. Приказ такой, теплые вещи, оружие, продукты питания, а также все ценное что найдем экспроприируется в пользу беженцев-то есть нас. Задача ясна?

Последняя фраза была произнесена мною на ходу так как мой кореш с несвойственной для для человека только что бывшего без сознания прытью полез на выход из нашего убежища.

– Ясно, ясно- чего ты мне голову тут полчаса морочишь-

уже давно бы согрелись и что-нибудь съели- донеслось до меня уже откуда то снаружи.

Я выбрался следом. От недалеких разрывов и осветительных ракет было довольно светло. Шальные трассеры то и дело пролетали то тут то там. Где ползком а где на четвереньках мы пробрались к месту моего недавнего боя. У незадачливых «воинов аллаха» уже наступило трупное окоченение. Мы вытряхнули хозяев из их утепленной и удобной натовской формы. нас не смутило даже присутствие на ней их мозгов и крови. Поснимав одежду, вещевые мешки и всё остальное что могло бы представлять для нас какую-либо ценность мы свалили их трупы в тот же колодец где покоились их жертвы и закрыли люк. Мы спешили -рассвет был уже близко. Перетащив все в наш новый «бункер» мы замаскировали проделанную мною дыру -кирпичами, и всем что попало под руку, мы начали разглядывать свои трофеи.

Оглядываясь сейчас на все произошедшее тогда с нами я недоумеваю как мой друг падающий в обморок и едва из него вышедший мог по деловому и быстро раздевать трупы, шарить по их карманам выискивая все что нам может пригодиться. Как это я-человек сугубо гражданский и к тому-же очень брезгливый мог проделывать всё это нисколько не испытывая при этом никаких неудобств. По видимому на грани жизни и смерти все эти обмороки, брезгливость и прочее уходят в сторону и впереди только один инстинкт-инстинкт выживания.

Итак, я отвлекся, что же нам досталось. А досталось нам вот что: пять разгрузочных жилетов, в каждом по 8 рожков к автомату, семь автоматов АКМС 7,62 каждый с двумя спаренными рожками, несколько десятков гранат, шесть «беретт» (я заметил что бандиты очень любят эту марку). Куча запасных обойм к ним, пять радиостанций моторолла, три радиостанции кенвуд (это сейчас радиостанцией никого не удивить, а тогда это было вообще для нас что-то из области фантастики) несколько комплектов «хэнд фри» к ним. Восемь армейских американских фонарей, штук сорок запасных аккумуляторов, снайперская винтовка ВСС с полным боекомплектом-очень удобная разборная штука (в разобранном виде и уложенная в брезентовую торбу вообще не вызывает ни у кого подозрений.). Десять ножей «коммандо», три бинокля ночного видения, и пять простых. Два гранатомета «шмель». Три хронометра «ролекс». Три кевларовых жилета в упаковке (надевать надо было господ!), штук сорок шприцтюбиков промедола, и шесть камуфлированных рюкзаков с эмблемами «айрборн юса».

В первом оказались медикаменты, их было настолько много и разных, что можно было наверное открыть небольшой фельдшерский пункт. На всех было клеймо-армия США.

– Вот это кстати-обрадовался я-Давай промоем твою рану и как следует перевяжем.

Славик снял одежду я протер его рану вначале спиртом, а затем смазал специальной противоожоговой мазью, а ца-

рапину на плече просто залили иодом, так как она уже подсохла и особых опасений не вызывала. Одно было плохо-он по прежнему одним ухом не слышал, и время от времени оттуда шла кровь, но потом перестала.

В следующем рюкзаке нашлись два новых комплекта теплого белья, опять же юса арми, мы с громадной радостью сбросили пропитанное болотной водой тряпье в которое превратилась наша одежда, и облачились в эту безумно комфортную одежду. Размерчик пришелся нам как раз в пору. Там же оказались две пары дивных камуфлированных штанов подбитых мехом и с молниями по бокам для того чтобы одевать и снимать их не разуваясь, с кучей всяких карманчиков, замков и т. п. Не долго думая мы напялили и их. Ансамбль завершили военные свитеры тоже юса арми, цвета хаки с погонами и кожаными вставками..Порывшись в куртках убиенных мы выбрали две наименее измазанных и не простреленных. Облачившись в них позволили себе немного расслабиться, так как приятное тепло располагало к дремоте. Поэтому мы прервали осмотр трофеев и прилегли вздремнуть соорудив себе шикарное ложе из бандитского барахла. Я сразу отключился сказались тяжелый день и бессонная ночь. Проснулся оттого что рядом что-то громыхало.

Славик тоже проснулся и выглядывал в нашу импровизированную амбразуру. В колодце было несколько самодельных лестниц, принесённых по видимому рабочими, стоя на них можно было наблюдать за происходящим наружи, что

я и поспешил сделать присоединившись к моему любопытному другу. А на улице в свете наступившего дня шло настоящее сражение. Шквальный огонь с той и с другой стороны, взрывы и дым окутывали поле битвы. Российские солдаты засели в пятиэтажке напротив, ее окружили боевики и расстреливали их с разных сторон. С соседних пятиэтажек всю стреляли снайперы. В бинокль было хорошо видно как один за другим солдаты утыкались лицом в автоматы или просто падали как тряпичные куклы. Постепенно по мере того как их количество таяло темп стрельбы затихал. Боевики не высовывались они тянули время, понимая что солдаты обречены. Наконец стрельба затихла совсем, усолдат кончились патроны. На помощь им никто не спешил. Я отодвинулся вглубь колодца, чтобы случайный блик линз не выдал нашего пребывания. Но даже из глубины колодца через мощную цейсовскую оптику было хорошо видно происходящее. Поднявших руки сбрасывали с балконов, резали им горло, или просто стреляли в упор в голову. Остальных уцелевших вытолкали на улицу. Оказавшихся среди них двоих офицеров поставили на колени и начали избивать ногами. Ноги обутые в тяжелые армейские ботинки очень болезненная штука- один правильный удар и человек становится инвалидом, это говорю как человек которого били и который бил сам. Поскольку меня били не профи своего дела инвалидом я не стал, а вот я многих заставил «работать на аптеку», а некоторых даже отправил «в страну вечной охоты».

Но все это было гораздо позже, а в тот момент все моё тело вздрагивало от каждого удара наносимого несчастным. Это было метрах в двухстах но крики истязаемых были хорошо слышны. Удары сыпались один за другим, они падали, пытались подняться но все новые и новые удары опрокидывали их на землю. Это продолжалось до тех пор пока окровавленные тела перестали подавать признаки жизни. После чего их ещё и добили из пистолета. Я хорошо разглядел стрелявшего- никаких эмоций на лице- выстрелил как будто во что-то неодушевленное и пошел себе дальше. Оставшихся отводили в сторону по одному и на глазах остальных убивали с особой жестокостью. Страшно вспоминать, а видеть и по-давно что эти звери вытворяли с ними. Метали в них ножи, просто перерезали горло как скоту на бойне, вгоняли ножи в пах выпуская внутренности наружу заставляя в них путаться собирая их с земли. Два солдатика вырвались и пытались убежать, но разве убежишь на открытой местности от двух десятков хорошо обученных и вооруженных стрелков? На них отработали стрельбу «от бедра» первыми же выстрелами свалив их на землю. Разглядывая происходящее в бинокль я не заметил что моего друга рядом нет и только звуки которые издает блюющий человек заставили меня оглянуться по сторонам. Мой впечатлительный соратник забился в угол и его тело сотрясало в рвотных конвульсиях.

– Славик ты демаскируешь нас своими рвотными позывами, хорошо что ты хоть ничего не ел сутки, а то на вонь точ-

но бы слетелись все боевики округи как мухи на говно.

– Ты чё такой крутой? Рембо недоделанный! Как ты можешь на это все спокойно смотреть- это ведь не кроликов режут, а людей! Понимаешь —это люди ведь!!!

Накал страстей все нарастал-истерический шепот вот-вот должен был перейти в неуправляемый истерический крик. Я насильно заткнул рукой ему рот и зашептал прямо в здоровое ухо (второе у него попрежнему ничего не слышало):

– Какой вы выюноша нежный! Ну ничего ничего это скоро пройдет. У меня начало проходить еще позавчера, да ведь я рассказывал тебе. И у тебя поверь мне тоже скоро пройдет -я почувствовал как Славик стал успокаиваться, мой шёпот подействовал на него умиротворяюще- А вчерашние слуги аллаха- продолжал я- Как думаешь кто помог им досрочно отправиться в райские кущи на встречу к 1000девственниц на каждого? Отвечу- ваш покорный слуга. И мне их ни чуточки было не жаль. Я пристрелил их, а кто сразу не сдох тех я добил- горло им перерезавши. Чтобы не коптели своим мерзким дыханием наш дивный мир.

Я убедился что мой камарад окончательно успокоился, отпустил его и уже вполголоса продолжил:

– Жалко конечно пацанов наших, не виноваты они, просто уж судьба у них такая, так карта легла, ничего не попишешь. Ты сам видишь что они были обречены. Их бросили, о них забыли и мы ничем им бы помочь не смогли бы. Нет, конечно ты можешь распустить сопли, поорать зарыдать во весь

голос. Побиться головой об стенку, может эти ублюдки дудаевские заинтересуются, а кто это там так громко причитает? А это Славик, давай мы ему чтонибудь оторвем, да и другану его заодно за компанию. Утри сопли —уже более сурово, как мне показалось- сказал я- Ты что до сих пор не понял куда мы попали?! Это война! И судя по тому что мы сейчас видели перевес явно не на нашей стороне-я обнял его за плечи

– Ну ладно чего ты? Успокоился? – он молча кивнул.

– Вот и славно- давай лучше остальные кошёлки душманские разберем- может быть чегонибудь съедобного надыбаем. Я голодный как собака!.

Надо отметить что после вчерашних приключений аппетит вообще пропал, зато сейчас в животе сосало «будь здоров». Но у моего унылого друга одно лишь упоминание о пище вызвало такой приступ тошноты, что я и вправду стал опасаться как бы нас не засекали.

Но басмачам было не до нас. К их оживленной группе подошла группа из молодых баб в камуфляже количеством около 10 с длинными винтовками за спиной и сопровождающие их автоматчики тоже человек около десяти. Они стали обниматься повидимому поздравляли друг друга с удачной акцией. Бабы как я понял были снайперши. Их как я потом узнал завозили из прибалтики и украины- этокое кавказское сафари куда они охотно ехали заработать и неплохо отдохнуть в обществе горячих горных джигитов. Правда план этот удался далеко не во всем. Нет правда что общества горячих

джигитов они поймали или их поймали кому как повезло, а вот что касемо заработков и уехать обратно вышло далеко не у всех. Насколько я был наслышан попавшие в плен до суда не доживали- гибли при попытке к бегству, причем пытались убежать даже тяжелораненые и неходячие. На самом деле ненависть к ним со стороны солдат была настолько велика что шансов дожить до суда было 0 в квадрате. А вообще хороших снайперов ценили и оберегали —каждого в бою охраняли несколько автоматчиков в круговую. Такая группа была мобильной и наносила большие потери врагу.

Но я отвлекся- Вся кодла когда всюю наобнимались, уселись в кружок и стали чем-то угощаться из сумок. Затем одна из снайперш подошла к убитым затем подошла к одному, повидимому к главному и начала что-то говорить резко жестикулируя при этом. и показывая то и дело в сторону лежащих неподалеку трупов. Главный- крепкий парень с виду лет тридцати все это слушал затем отвесил ей крепкую затрещину. Она упала. Когда встала попробовала было продолжить но он так же это выслушал, затем достал пистолет и прострелил ей голову. Затем убрал пистолет плюнул на нее подошел к своей шайке покрутил рукой над головой. Это был видимо такой условный знак-все, аппетит испорчен, пошли отсюда. После чего вся банда подхватив свои пожитки скрылась за углом пятиэтажки.

Глава 8

Бои откатились к окраинам, во всяком случае вблизи уже не стреляли. Славик уселся в углу и затих. Мы не сговариваясь стали разбирать содержимое баулов. Больше всего там было сникерсов. Я сразу съел штук пять и запил банкой концентрированного молока. На душе стало как-то веселей.

– Амиго присоединяйся!

– Да пошел ты!

– Ну как хочешь, потом когда оголодаешь, уже не будет.

Это я конечно преувеличил-чтобы съесть все продукты которые находились в муджахедских торбах надо быlobы как минимум неделю. Там помимо сникерсов и марсов, сгущенного и концентрированного молока, была куча упаковок с консервированным мясом, несколько российских сухпаев в запаянной пленкой упаковке, украшенные портретами великих полководцев. Я даже и предположить не мог что нашу армию снабжают такими. (в них даже было устройство для разогрева, работающее на сухом спирте) Помимо всех этих вкусностей там находилось несколько пластиковых бутылей с минеральной водой-«сделано во Франции».

Одна сумка была полностью забита наркотой-порошок, ампулы, «травка». В комплекте была так-же предусмотрена бутылочка со спиртом и вата для дезинфекции места укола, но судя по отсутствию нескольких упаковок с ампулами по-

койные хорошо угостились перед смертью. Осмотрев все наше богатство мы распихали его обратно по баулам.

А тем временем сумерки сгущались и наконец превратились в очень темную ночь. Я продолжил наблюдать за окрестностями из нашего убежища, слава богу бинокль ночного видения позволял. И тут возле валяющихся трупов солдат появилось какое-то странное движение. Внимательно взглядевшись я увидел свору бродячих псов. Изображение было настолько четким, что можно было различить, правда весьма приблизительно, породу этих «друзей человека». Там было с десятков крупных дворняг, и несколько породистых - два «кавказца» и один «немец». Масть разобрать не удалось - ночью через «ночное видение» они все были зелеными. Стая разбрелась среди валяющихся трупов солдат обнюхивая их. Затем один из «кавказцев» самый крупный в стае, наверное вожак, вцепился в тело со вспоротыми внутренностями после чего вся стая как по сигналу начала разрывать тех кто всего несколько часов назад был солдатами и офицерами России. Один из этих псов-людоедов добрался до тела снайперши и трепал её за голову, вид дополняющих это зрелище длинных волос которые при этом взлетали в воздух, да еще в мертвеннозеленом свете было настолько диким, что я буквально почувствовал как волосы у меня на голове встали дыбом. Еще долго после этого голодные собаки, рвущие на куски трупы, преследовали меня по ночам в кошмарных сновидениях. Мне снилось что это я лежу на земле, а огром-

ные, зеленые зубастые морды рвут и треплют меня в разные стороны.

Сколько продолжалось это ужасное пиршество я сказать не берусь, может быть час, а может быть больше или меньше. Наконец они насытились и растворились в темноте.

Я покинул свой наблюдательный пост и тихо спустившись вниз улегся на импровизированную кровать. Руки мои дрожали, спина взмокла от пота, увиденное не укладывалось в голове. Я многое повидал за эти несколько дней, но это собачье пиршество...

Славик тихо посапывал в своем углу, его размеренное спокойное дыхание, постепенно успокоило и меня. Я задумался-что нам дальше делать? Идти прячась от воюющих с той и с другой стороны, крайне опасно, оставаться тоже. Если обнаружат чечены или русские, финал будет один -с двумя камуфлированными обвешанными оружием чумазыми и небритыми типами церемонится не будут. Что делают чечены с такими мы уже сегодня видели, а русским мы просто не сможем доказать что гора трупов бойцов не наших рук дело, что мы мирные пейзажи а оружие это мы просто нашли на дороге и взяли поносить.

Вместе с тем я понимал что боевики обречены, пусть не через месяц, пусть через год войска их всех передушат, ценой больших потерь но все равно передушат. Бои переместятся в центр города и наши шансы выбраться отсюда или просто остаться в живых будут равны нулю. Стало быть нуж-

но уходить. Днем не получится, идти надо ночью, а именно сейчас.

Я растолкал Славика и в доступной форме попытался ему объяснить, но в ответ он занял:

– Чего ты паникуешь? Мы так хорошо забились в эту нору-все у нас есть. Какого черта мы попремся неизвестно куда? Лично я не знаю где тут наши, а где не наши и кто сейчас для нас наши. Так и куда мы по твоему сейчас, в крошечной темноте попремся? Максимум через два дня всех дудаевцев поубивают, и все будет хорошо-самодовольно закончил он.

– Значит ты считаешь так? -я начал злиться-Хорошо, сидим тут. Но вот что я тебе скажу друг мой: то что мы сегодня видели это не бой, это бойня. Ты не заметил что среди душманов почему-то не было потерь! А я заметил. Они настоящие бойцы, хорошо обученные и возможно уже обстрелянные в боях. Они знают как укрываться и как бить, где ставить снайперов, где стрелять а где накрыть всех гранатой. А наши солдатики 18—20 лет, что с них взять? А офицеры? Да что я тебя убеждаю, ты и сам все видел. Так что если и будет победа, то через горы трупов и не через день другой, а через год другой. Столько мы тут не просидим, кушать ведь каждый день надо, а кушать нечего будет, мы же не можем как эти собаки... Тут я осекся и замолчал

– Это какие такие собаки? -насторожился мой друг

– Да это я так просто про собак сказал-начал оправдываться я-это только они могут бегать по помойкам и соби-

рать объедки.

Я специально не сказал ему про «собачий пир», т.к очень впечатлительный Славик, едва пришел в себя после увиденной казни и к нему даже потихоньку стал возвращаться аппетит. Если бы он увидел весь этот ужас то даже тот несчастный сникерс который он смог в себя протолкнуть тут же бы выскочил обратно, а он опять бы впал в такую глухую депрессию, что ни о каком передвижении и речи быть не могло. Что поделаться, мы с ним не были детьми войны и каждый реагировал на ужасы по своему- его начинало тошнить, после чего он падал в обморок, выйдя из которого, не без моей помощи, у него наступало «сумеречное состояние души» как он сам выражался. А ко мне все чаще и чаще после увиденного стал приходить этот непрощенный гость, дьявол, шайтан, джинн, черт не могу даже имя ему придумать, но его приход я ощущал сразу, и даже попытался с ним заговорить, но он на все мои просьбы ответить, не реагировал. Только один раз или мне показалось или он действительно на мой вопрос -как его зовут, ответил: Зулла.

После этого я почувствовал, что наступит такой момент что он поднимется наверх прочно засядет во мне и не уйдет больше никогда. Этого момента я боялся и хотел одновременно. Хотел потому что нравилось ощущать себя сильным, неуязвимым бесстрашным и всемогущим, боялся потому что где-то внутри меня слабенький такой голосок, слабющий раз от раза, говорил: он придет, а все хорошее из тебя

уйдет и обратно никогда не вернётся. Я часто думал об этом-наверное демон так покупает души. Если это так то моей душой он овладел наверное полностью, так как после некоторых произошедших после этого событий я больше никогда этот слабенький голосок, похожий на голос ребенка не слышал,

.Но это было, как потом оказалось, совсем не так. Но обо всём по порядку.

Тут его рассказ прервало появление в купе попутчицы. Громадная в два обхвата бабища с двумя необъятными клетчатými китайскими торбами, ввалилась в купе и с порога заревела:-Здоров, мужики, снимай трусы, знакомиться будем!

После чего она громко заржала над своей шуткой, распостранив в купе запах едреного перегара. Увидев это чудовище я реально стал опасаться за сохранность моих трусов, и того что под ними.

Но только у моего попутчика все было совсем по другому. Я в очередной раз убедился что в нём погиб незаурядный артист. Вскочив навстречу ей он обхватил её необъятные прелести и в тон ей завопил:- Танюха, какими судьбами?

Она опешила:-А ты чё меня знаешь?

- Да ктож тебя не знает, звезда ты наша!

Тут она изобразила, насколько могла, потупленный взор, и застенчиво опять же на сколько смогла сказала:-Ты не думай я не такая.

– Так ведь и я не такой — сказал мой попутчик-Писатель пойдём покурим, пусть Танюшка располагается не спеша.

Мы вышли в тамбур и я задал вопрос, который прямо висел на моем языке:

– Ты откуда знаешь эту мадам?

– А я ее и не знаю, и вижу ее вообще в первый раз.

– А как же имя? Как ты его угадал?

Он рассмеялся: -наколочка у нее на руке. Ты не обратил внимания?

– Наколочку видел, но имя нет.

– А я разглядел, там даже целая поэма: обидеть Таню может каждый, не каждый может убежать! И ты знаешь она где-то даже права, убежать от такой трудновато.

– Вот тебе смешно, а мне не очень. Мало того что она уже под градусом, отравила своими миазмами весь воздух в купе, но мне отчего-то кажется, что она на достигнутом не остановится.

– В смысле чего?

– В смысле дальнейших возлияний этой мадам и того что последует за ним.

– А что за этим по твоему должно последовать?

– Мне трудно предсказать, но после домогательств с вопросом ты меня уважаешь?, последует фулл контакт так сказать, либо просто домогательство, легко переходящее в насилие, либо банальный мордобой. А учитывая ее весовую категорию результат предскажем.

– А с чего ты решил что домогаться она будет именно тебя?

– Ну наверное... -я замаялся-Я молодой и даже красивый.

– Не бойся молодой и красивый, -рассмеялся мой попутчик-знойную женщину беру на себя, твоя девственность не пострадает.

ГЛАВА 9

Вернувшись в вагон, мы обнаружили нашу новую попутчицу в окружении каких то смурных мужиков. По внешнему виду, они напоминали вахтовиков, кем в последствии и оказались. Вахтовиков если один раз увидеть не спутаешь ни с кем-в одежде преобладает псевдо фирменная спортивная одежда майде ин чина, преимущественно черного либо коричневого, либо грязно серого цвета, причем надписи на одежде и кроссовках с падением курса рубля трансформируются в «адубас» или «абудас» или еще какой другой «нуйк». Люди эти хотя и являются в массе своей нефтяниками люди небогатые, почти все сильно выпивающие, о чем ярко свидетельствует багряно-синий цвет лица, усугубленный постоянным нахождением в экстримальных условиях. Да что там говорить, если даже записного трезвенника заставить по 12 часов в день таскать тяжелые железяки под палящим солнцем либо на обжигающем ветру при минус 30, да еще со снегом, то колер его лица мало будет отличаться от колера лиц наших попутчиков.

Попутчица тоже преобразилась- на лице появился дикий макияж, чем-то напоминающий боевую раскраску индейца вступившего на тропу войны, а необъятные тела нашей красавицы облегал халат с драконами, ярко красный, размером с парашют. Нашему появлению обрадовалась толь-

ко она, остальная публика угрюмо промолчала, повидимому увидев в нас ненужных претендентов на паленую водку которую они уже начали распивать при этом делая вид что закусывают. Мы вежливо отказались 3 раза как положено, на 4 вежливо пригубили. Лексикон наших новых знакомцев состоял в основном из мата, и было полное ощущение что они не матерятся а просто разговаривают на русском матерном языке. Через минут сорок такой непринужденной беседы, у двух наших попутчиков возник диспут на тему которая была понятна только им и еще несколькими присутствующим включая нашу мадам. Дискуссия набирая обороты стала переходить новую фазу сопровождаемую хватанием оппонента за воротник, плевыми друг другу в лицо и вытаскиванием из купе со словами: пойдём выйдем в тамбур я тебе объясню...!!! За двумя сцепившимися оппонентами в тамбур вывалилась вся гомонящая орава. Последней со словами: «Я покажу сука кто здесь проститутка!» из купе выбежала наша необъятная Танюшка. Я захлопнул дверь купе. Судя по увеличению числа орущих и звукам падения тел, количество оппонентов возросло и диспут перешел в высшую стадию т.е. в мордобой.

Послышался крик проводницы «Света, вызывай полицейев!», и через несколько минут дружный топот возвестил прибытие наряда милиции. Попытка выяснить что происходит у милиции не удалась, среди криков фраза «менты позорные» была самой литературной, все остальные глаголы

и существительные указывающие куда милиции и как отправиться сплошь состояли из матюков.

А поезд тем временем подходил к крупной станции. Едва только двери вагона распахнулись в вагон заскочили «маски-шоу», в народе так ласково называют ОМОН. Увидев лежащих на полу коллег, а на тот момент горячие вахтовики успели надавать пинков и повалить стражей порядка, омовцы буквально озверели. Удары дубинками сыпались как из рога изобилия. Разогретые «паленкой» вахтовики попытались было оказать сопротивление но были быстро «упакованы» и препровождены на выход. Последней скрутили нашу Танюшку, она царапалась и лягалась. Живописный халат был сзади разорван, а на могучей спине над гигантских размеров ягодицами старославянской вязью красовалась татуировка «СЛОН» Безобидная на первый взгляд для простого обывателя надпись, пробудило в омовцах настолько дикие инстинкты, что когда ее вывели на перрон она не только не сопротивлялась, но еще и хромала на правую ногу. Как я впоследствии узнал, что «СЛОН» в переводе на обычный русский язык расшифровывалось как «СМЕРТЬ ЛЕГАВЫМ ОТ НАС», и колют ее обычно лица сидевшие, из так называемых «отрицал».

Омовцы выстроили задержанных в шеренгу, и повели куда то вглубь перрона. Замыкал шествие какой-то заморыш в очках, это был мастер буровой бригады, который участия в «диспуте» не принимал но был тем не менее за-

держан как сопровождающее уполномоченное лицо. Через несколько минут он появился в вагоне в сопровождении двух омоновцев. Омоновцы прошерстив багаж Танюшки, невзирая на жалкое блеяние мастера: «А повариху то зачем шманать?», извлекли из ее дорожной сумки несколько бутылок водки, и со словами: «А вот и вещдоки налицо!» рассовали их по карманам. Затем таким же порядком начали проверять багаж задержанных в других купе. После выхода их из вагона в руках у обоих было по два объемных пакета с «вещдоками» в число которых входили просвечивающие через пакеты ноутбуки, плееры, телефоны, и даже какие то носильные вещи. Непосредственно перед отправлением в вагон вернулись задержанные. Хмурые с побитыми физиономиями они молча расселись по своим местам. Танюшка придя долго молчала, но после нехотя рассказала что у омоновцев помимо «вещдоков» осталась и вся их зарплата, двух особо буйных не пожелавших добровольно расставаться с деньгами в браслетах отправили на автозаке куда то в неизвестность, но деньги предварительно все равно отняли, а ее омоновский майор хотел отыметь в извращенной форме, но потом отчего-то передумал.

Больше она ничего не рассказывала, а когда мы утром проснулись, ни бригады, ни Танюшки в вагоне не было.

ГЛАВА 10

Мы некоторое время ехали молча разглядывая пейзаж за окном. Первым заговорил мой попутчик:

– А знаешь я ведь тоже, в той прошлой жизни был нефтяником, коллегой наших неразумных попутчиков, и даже некоторое время поработал вахтовиком на севере.

– А чего бросил?.

– Да тому было много причин, но раз зашел разговор то буду обо всем по порядку. Школу я закончил прямо скажем «не очень чтобы очень» особого рвения к наукам не прилагал и плыл тихо по течению. Призвания ни к чему не пытал и что буду делать после школы представлял себе плохо. Зато этим была сильно обеспокоена моя мама. Она в отличие от меня (что греха таить — размазни и «тепличного растения») была человеком решительным, волевым и твердым. Все дела всегда доводила до конца и всегда добивалась того к чему стремилась. Она поставила себе цель — сынок в армии служить не должен и точка. Железным аргументом было: дедовщина в армии, отупление за два года службы, потеря здоровья да и просто потеря 2 лет жизни. Как показали дальнейшие события — мама была как всегда права.

Едва я закончил 9 класс мама подключила все свои связи и нашла мне репетиторов по математике и физике, так как именно по этим предметам были экзамены в наш зна-

менитый на всю страну ГНИ —Грозненский ордена трудового красного знамени нефтяной институт имени академика Миллионщикова. Там правда был еще экзамен-сочинение, но с литературой у меня было более чем хорошо поэтому были подобраны репетиторы только по этим предметам. Если кто-то сейчас думает что сдать тогда экзамены было проще чем нынешний вшивый ЕГЭ тот очень сильно заблуждается. Я не знаю как в других вузах но в наш экзамены были очень серьезными. Если на письменных и можно было, чисто гипотетически, списать то на устных это было практически не возможно. Поэтому я особенно и не верил в свое поступление, но в жизни все сложилось совсем иначе. Репетиторы найденные моей мамой оказались спецами экстра класса и преподавали свои предметы в том самом институте только в более углубленном виде. Они сразу предупредили что протекций по поступлению оказывать не будут но знание школьной программы по своей специальности гарантируют но только в случае если ученик будет выполнять все их рекомендации в процессе обучения.

Я особо не надеясь на чудо начал ходить на занятия к ним, но чудо все таки произошло- я ленивый и где-то даже туповатый ученик, начал усиленно заниматься! Что было тому причиной трудно сейчас сказать, может это был особый педагогический дар моих наставников, может быть за деньги учителя действительно учат а не делают вид, может это их квалификация преподавателей экстра класса-я не знаю. Но фак-

том остается то что едва мы по программе занятий догнали класс, а мы начали подготовку издалека, то на фоне чахлых троек, которые едва прикрывали неуды, косяком пошли пятерки, изредка перемежаемые четверками! У меня как раз в тот момент испортилось зрение и я стал носить очки и все мои однокласники решили что появление очков и успехи в учебе связаны между собой, я их в обратном не убеждал. Вообще отношения с одноклассниками у меня не сложились, может быть оттого что после 8 класса наш класс расформировали и раскидали по другим, я не знаю но теплые дружеские отношения с классом не сложились. Но вот наконец прозвенел последний звонок. И вот тут то и выяснилось кто есть кто. Я имея настоящие твердые знания сдал экзамены на отлично и несмотря на чахлый аттестат поступил, в отличии от многих «дутых» отличников. Но это оказалось еще не самым трудным-самое трудное было не вылететь после первой сессии, и тут произошло чудо-я полюбил химию! Я который ее терпеть не мог в школе, тут ее понял и полюбил! Это была полностью заслуга преподавателей. Если бы в нашей школе преподавание велось хотя бы на половину институтского уровня количество умных людей в нашей стране наверное бы удвоилось. Но увы уровень нынешнего обучения настолько упал даже по сравнению с теми нашими советскими школами, что сравнивать его можно наверное с церковно приходскими школами где учили только читать и писать, поэтому я встречаю в жизни все больше дебилов, причем не де-

билов от природы а искусственно взрощенных на пастбищах интернета которых кроме совокупления, развлечений, идиотской музыки и суррогатного бухла более ничего не интересуется, причем чем старше индивидуум тем менее его интересуется совокупление и усиливается тяготение к бухлу. К сожалению население нашей несчастной страны обречено. Я несколько не утрирую, это свершившийся факт. Никаких социальных лифтов в нашей стране нет, а раз их нет то зачем государству тратится на какие то там школы, на грамотных педагогов, которым надо платить достойную зарплату, на все то что не принесет быстрых больших денег, и вот хотя и плюют в советский союз каждый кому не лень, в союзе такой лифт был. Конечно дети рабочих и крестьян не могли поступить в какой ни будь МГИМО, э тот заповедник детишек высокопоставленных слуг народа, а в какойнибудь другой —запросто. При многих ВУЗах были так называемые подготовительные курсы-ПО, где с отрывом от работы можно было в течении года подготовится к учебе. Принимали туда по направлению производства, которое и платило зарплату будущему студенту. Подготовку вели преподаватели института и каждый поступивший если всерьез занимался мог вне конкурса поступить на любой факультет.

Все наши факультеты были связаны с нефтянкой. Бурение, добыча, геология, переработка нефти вот основные направления обучения в нашем институте. При поступлении естественно встал вопрос —а на какой факультет подать-

ся? Я думал недолго и подал документы на промысловый —специальность бурение. Не помню кто из моих знакомых мне в уши напел что бурение это самый элитный факультет нашего института и стипендия на 10 рублей больше чем на других, где такой размер считался повышенной стипендией, и платят со всеми тройками только уложишь в сессию. Проучившись первый год среди грубых здоровых мужиков, которые не стесняясь в выражениях могли любому объяснить что угодно, я начал подозревать, что все далеко не так. Никакой элитностью там и не пахло, а после первой производственной практики, где я ничего тяжелее портфеля не поднимавший был вынужден таскать тяжелые железяки в течении долгих двух месяцев, было дикое желание бросить эту опротивевшую специальность. Но за плечами было уже три курса ударной учебы, а в стране грянул Афган! Если бы я захотел бросить эту опротивевшую учебу то сразу же, без всяких учебок туда и загремел. Почему-то в нашем министерстве обороны считали что лучшие кандидаты на афган это жители Кавказа. Причем как я понял национальность роли не играла, раз ты с Кавказа —вперед в Афган.

Большим плюсом учебы на промысловом факультете было то что после окончания института так как у нас была военная кафедра присваивали звание лейтенант. Но не только это это было плюсом, большим прямо таки жирным плюсом была военная специальность- учет хранение и транспортировка ГСМ! Когда я сдуру через несколько лет после института ре-

шил отдать долг Родине и заявился в военкомат с просьбой призвать меня таки на службу, получил ответ от военкома :

– Идите молодой человек по месту жительства и больше сюда с такими просьбами не приходите. У нас такие должности передаются по наследству. (литературный перевод).

Это надо понимать так-для армии я потерян навсегда. Ну так вот, объясню почему я вдруг возжелал послужить. Дело было в следующем: как один из самых заурядных учеников, т.к. после первой практики в должности помощника бурильщика желание строить карьеру в бурении пропало напрочь, по распределению я был отправлен в одну из наших среднеазиатских республик. Нет, к самой республике у меня претензий особых нет —ее столица до сих пор образец красоты и уюта, но нефть к сожалению добывают вдали от столицы да и вообще от остальных очагов цивилизации, которыми эта республика и так не очень богата.

По приезду к месту моей трудовой деятельности, в дикое просто очень дикое место-помесь степи и пустыни, я вдоволь нагулявшись по окрестностям кишлака, где находилась буровая контора, получил солнечный удар и упав на продавленную койку в обшарпаной комнатухе задрипаной общаги сильно похожей на обычный бомжатник, крепко задумался.

Провести три года среди этих барханов и саксаулов мне совсем не хотелось. Но вот в чем беда-если сейчас выпускнику института найти работу не имея стажа очень непросто, то в СССР было наоборот-ты обязан был три года отрабо-

тять там куда тебя послала страна. Причем отработать по специальности-молодого специалиста прикрепляли к наставнику, который опекал и следил за профессиональным ростом одного. Ну это правда было не везде т.е. как повезет. Мне не повезло. Наставником мне назначили тихого алкоголика -инженера техотдела. Все его наставления сводились к одному-загрузить безропотного молодого специалиста рутинной работой и после обеда тихо слинять в общагу где и напиться теплой отвратительно пахнущей местной водки до абсолютно невменяемого состояния.. Для меня например до сих пор остается загадкой процесс ее производства т.к. она дико во-няла ацетоном! Но моего наставника это нисколько не удивляло, и он пил ее ежедневно без перерыва на выходные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.